Валентина Толкунова

Я НЕ МОГУ ИНАЧЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Независимость и смелость женщины – не в моментальной готовности к близости, к интиму, а в умении открыть сердце человеку, не боясь, что он может сделать больно».

В. Толкунова

Когда от нас уходит артист подлинного таланта, огромной души и неподдельной доброты – это трагедия. С одной стороны, кажется, будто вместе с ним уходит все то, что он дарил миру. Но, с другой стороны, он остается в людских сердцах и человеческой памяти, в своем творчестве, полном света и любви; остается в идеалах, которые доносил со сцены до зрителя, и пока все это живо – жив и он.

Эта книга – уникальная автобиография Валентины Толкуновой, рассказанная ею незадолго до ухода из жизни. В конце пути, уже зная, что она безнадежно больна, великая певица делится личным пониманием мира и своей жизни в искусстве, по-настоящему раскрываясь и переосмысляя все самое сокровенное.

- Валентина Толкунова
  - ○
  - ○ ИЗ ПАМЯТИ…
    - ■ Народный артист СССР
    - ■ Народный артист России
    - ■ Народный артист России
    - ■ Заслуженный артист России
    - ■ Заслуженный артист России
    - ■ АЛЕКСЕЙ ТИРОШВИЛИ
    - ■ КАРИНА ФИЛИППОВА
  - ○ ТОЛКУНОВА
  - ○ ПОСЛЕСЛОВИЕ
  - ○ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА
  - ○ ПЕСНИ
  - ○ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Валентина Толкунова
Я не могу иначе

ИЗ ПАМЯТИ…

Народный артист СССР
ИОСИФ КОБЗОН

Профессия артиста всегда казалась заманчивой, привлекательной, интересной для многих. Эстрада не знала недостатка в певцах и актерах, и по сей день это так.

Валя Толкунова относилась к тем молодым, красивым людям, что стремились на сцену, в музыку, в сферу культуры. Выдающимися вокальными данными она не обладала, да и не претендовала на это, но была поистине музыкальна, с приятным, душевным тембром голоса.

В самом начале своего пути, в ВИО-66 под руководством Юрия Саульского, она набиралась опыта, исполняя джаз и готовя себя к карьере эстрадной певицы. После расставания с Саульским Валентина оказалась в одиночестве, как в личном, так и в творческом смысле. Мы с ней встретились, и я спросил: «Чем сейчас занимаешься?» Она ответила: «К сожалению, ничем». Я предложил Валюше прийти к нам, в Москонцерт. В то время существовал художественный совет, и она пришла на прослушивание. Нельзя сказать, что Валя произвела на членов совета сильное впечатление, но концертов в то время было в избытке, имелась возможность работать, и я настоял на том, чтобы она осталась в Москонцерте.

К счастью, Игорь Крутой оказался свободен как аккомпаниатор и руководитель музыкального коллектива, и они несколько лет концертировали вместе. Потом Валя Толкунова работала с блистательным пианистом Давидом Ашкенази, подарившим ей необычайное творческое вдохновение. На протяжении долгого времени они выходили на лучшие площадки СССР, у нее появились первые шлягеры, которые запела вся страна: «Поговори со мною, мама», «Серебряные свадьбы», «Носики-курносики», а позднее – пронзительная, трагическая песня «Мой милый, если б не было войны».

Валя была красивой женщиной и привлекала не тем, чем сейчас принято привлекать публику: сексуальными нарядами или природными формами, выставленными напоказ. Она выходила скромно одетая, с длинной роскошной косой, такая светлая, уютная, своя… Многие воспринимали Валю как сестру, дочь, подругу, потому что ее песни были понятны и близки людям. Любая женщина могла исполнить у себя на домашнем празднике весь репертуар Толкуновой – настолько легко запоминались тексты и мелодии, согревая душу.

Будучи уже народной артисткой РСФСР и зная всех коллег по сцене, Валя держалась вдалеке от интриг, сплетен, закулисных игр. Все мы так или иначе обсуждали друг друга, были в курсе происходящего в семьях, она же не принимала участия в этих разговорах.

К сожалению, личная жизнь Толкуновой не удалась. Она была бесконечно счастлива рождению сына Николая, говорила о нем не иначе как: «Мой Коленька!», но даже Коля, повзрослев, не принес ей радости, и что бы сейчас ни говорили, будто он всегда находился рядом, – это не так.

Валя была очень одинока. Я не боюсь этого определения, потому что такова правда. Ее супруг, писатель, журналист-международник Папоров, находился на другом краю земли; понять и принять Валину потребность жить творчеством ему оказалось непросто, и они продолжали жить в разных концах планеты.

У нас с Валей есть общие друзья в Украине. Мы часто бывали с ней в Киеве по приглашению народного артиста Украины Яна Табачника, вместе ездили в Петербург, часто встречались на общих концертах и, как сейчас принято говорить, на корпоративных мероприятиях. Вся жизнь фактически прошла бок о бок.

Толкунова была, есть и остается для любого артиста того периода, а также всех людей среднего возраста очаровательной женщиной и замечательной певицей, которая излучала тепло и свет. Я считаю, ее нишу никому занять не под силу, потому что к такому репертуару необходима ее душа. Валентине было дано исполнять проникновенно и светло даже такие песни, как «Мы на лодочке катались», а это задача далеко не из простых.

Толкунова никогда не выставляла напоказ свою религиозность, хотя являлась глубоко верующим человеком. Она была просто удивительной: высокопорядочной, исключительно коммуникабельной, но при этом ненавязчивой, тактичной, деликатной и скромной, подчас до застенчивости. Такой я ее знал и такой буду вспоминать.

Народный артист России
ИГОРЬ КРУТОЙ

Впервые мы встретились с Валентиной Васильевной у нее дома, в однокомнатной квартире на улице Чехова. Привел меня к ней главный администратор театра им. Ленинского комсомола Николай Анатольевич Басин, чтобы поговорить о создании оркестра – эта идея была приоритетной для Толкуновой в тот период времени. Обычно она работала под аккомпанемент пианиста или выступала с оркестром Юрия Васильевича Силантьева. Меня привели «на смотрины» в качестве музыкального руководителя коллектива. Как только я дал свое согласие, у нас начались довольно интенсивные встречи.

Следующая наша встреча состоялась уже на улице Горького – Валентина Васильевна получила там квартиру. Я пришел в самом разгаре репетиции песни «Мой милый, если б не было войны» с Давидом Ашкенази и мгновенно окунулся в особую, толкуновскую атмосферу. Песня, безусловно, великая: музыка Марка Минкова, стихи Игоря Шаферана и, вдобавок ко всему, великий аккомпаниатор. Вот так я, с места в карьер, оказался в гуще событий. Над песней Толкунова работала уникально. Давид Владимирович многое ей подсказывал, она чутко реагировала, и для меня эти полтора часа пролетели как одно мгновение. Надо сразу отметить, что опыт, приобретенный за шесть лет работы с Толкуновой, очень пригодился мне в дальнейшем.

У нее был свой подход к песне, к тому, как должен звучать оркестр, хотя в этом вопросе я зачастую был с ней не согласен; мы много спорили, обсуждали музыкальные нюансы. Я набирался опыта на гастролях и четче понимал, какими именно должны быть аранжировки для Толкуновой, какие инструменты мы задействуем дополнительно. В итоге мы рискнули и ввели в ансамбль домры, что было довольно необычно для вокально-инструментальной группы.

Валентина Васильевна – суперпрофессиональная певица. Что бы у нее внутри ни происходило, она относилась к гастролям и к публике с необычайным уважением, а публика это чувствовала и отдавала ей свою любовь.

Мы неоднократно выступали на огромных площадках (я пришел в тот момент, когда она еще собирала дворцы спорта), но преимущественно залы были тысячными-полуторатысячными. Люди, приходившие послушать Толкунову, бесконечно обожали ее, от первого до последнего зрителя. Ей писали записки «Вы

вернули меня к жизни», «Я думал, что жизнь закончилась, и только Ваш голос помог», «Вы подарили мне новое понимание счастья». Такая переписка с любимой певицей шла на протяжении всей ее творческой жизни; люди писали ей, находясь в состоянии нервного срыва и прося о помощи – или выражая глубокую признательность за свет, который она излучала. Для своей публики Толкунова была богиней, посланницей свыше. Поклонники ее обожествляли, исцелялись ею и даже говорили, что ее песни облегчают физическую боль.

Валентину Васильевну очень любила наша армия. Каждый год мы ездили по линии ЦДСА (Центральный дом Советской Армии) в разные войска, ежегодно гастролировали по Германии и Польше. Польшу я запомнил особо отчетливо, поскольку в то время готовился к поступлению в консерваторию и параллельно с концертами разучивал программу к экзаменам: нашел себе в Доме офицеров пианино и бегал туда заниматься.

Гастроли в Германии были настоящим праздником: после каждого концерта случались пышные банкеты. Толкунова никогда не чуралась нас, музыкантов, и всегда приглашала к активному участию в веселье, просила говорить тосты, чтобы мы учились свободно и непринужденно общаться. Она и сама любила поднять бокал и сказать несколько хороших фраз, причем говорила красивым, образным и правильным языком, великолепно выражая свои мысли. Наиболее ценным я всегда считал глубокий смысл, неизменно присутствовавший в ее речах.

Хочу заметить, Толкунова была непростым человеком. Не всегда тот образ, который она несла со сцены, соответствовал ей на все сто, хотя во многом, конечно же, это была она, настоящая. С одной стороны, Валентина Васильевна могла на сцене при любых обстоятельствах собраться, взять себя в руки и сохранить особую подачу; с другой стороны, бывали моменты, когда во время песни она оборачивалась к нам, музыкантам, и с ее лица сходило лучезарное выражение. Таковым было присущее ей мастерство, личный профессионализм.

Поначалу я рассматривал работу с Валентиной Васильевной как возможность иметь стабильный заработок, опереться на известное имя. Уже потом у нас сложились теплые творческие и человеческие отношения.

Работая в коллективе Толкуновой, я благодаря Николаю Анатольевичу Басину параллельно выступал и с Володей Мигулей, и с Евгением Леоновым, и с Михаилом Сметанниковым, которому мы аккомпанировали в большой программе, насыщенной романсами и удивительно красивыми композициями. Я сдружился с Леоновым, он искренне и

трогательно переживал за меня, а как-то раз предложил: «Давай мы с Валей сходим и попросим для тебя квартиру». Исходила эта идея от него, а Валентина Васильевна охотно ее поддержала. Все вместе мы приехали к Игорю Шахманову, вошли в кабинет, и Леонов буквально упал ему в ноги. Первый секретарь совершенно опешил, но вовремя кинулся поднимать Евгения Павловича.

Сначала Шахманов предложил выделить мне кооператив, но Толкунова мгновенно парировала: «У него же нет денег!», и это было чистой правдой – денег у меня тогда действительно не было. Тогда он распорядился найти комнату в коммуналке, с соседкой не младше восьмидесяти лет. Так, благодаря Валентине Толкуновой и Евгению Леонову я получил свою первую жилплощадь в Москве.

Поездка к первому секретарю была всецело их инициативой: во-первых, Леонов очень тепло, по-отечески ко мне относился; во-вторых, они знали, что я разошелся с женой и переезжаю с одной съемной квартиры на другую. Для меня было сделано важное и доброе дело.

Мы не испытывали недостатка в гастролях; концерты проходили интересно, при неизменных аншлагах. И с Толкуновой – моим первым гастролером – мне повезло во всех смыслах: нам предоставляли лучшие гостиницы, встречали на уровне секретарей горкома, а уж курьезов и смешных ситуаций было такое множество, что хватило бы на отдельную книгу. Многое было связано с различными шутками и розыгрышами Ашкенази, но, к сожалению, о таком не рассказывают публично. Одним словом, всем нам было весело.

Валентину Васильевну очень любил Силантьев. Из всех исполнителей так сильно он любил лишь двоих – Магомаева и Толкунову. «Песня года» того времени состояла из огромного количества артистов, их репетиционное время с Эстрадно-симфоническим оркестром Всесоюзного радио и Центрального телевидения под управлением Юрия Силантьева было расписано по часам, но больше всего он обожал репетировать именно с ней. А уж как она обожала репетиции! Концерты концертами – на них она подпитывалась, обменивалась энергетикой с публикой, – но репетиционный период был для нее чрезвычайно важен. В ее третьей квартире на улице Жолтовского мы могли репетировать часами напролет, и она получала от этого огромное удовольствие. Иногда я грешным делом думал: «Поскорее бы уже смыться! У меня еще куча всяких дел», а она с воодушевлением предлагала все новые и новые варианты: «А что, если сделать так… А давай мы попробуем иначе».

Периодически мы выступали перед высокопоставленными

людьми. Впервые концерт такого уровня прошел в Ялте при участии великого конферансье Эмиля Радова. Внезапно нам сообщили новость: «Завтра у вас концерт в Нижней Ореанде». В атмосфере тайны и недоговоренности нас привезли на летнюю площадку, где уже сидели в ожидании человек сорок, каждый из которых занимал должность не ниже заместителя министра СССР. В первом ряду сидели Галина Брежнева и Юрий Чурбанов.

Обычно на всех концертах во время исполнения песни «Вот кто-то с горочки спустился» зал вместе с Толкуновой пел припев. Валя очень тактично сказала «высоким» зрителям примерно следующее: «Я понимаю, что вы устали и хотите спокойно отдохнуть, но если у вас появится желание подпеть мне «Вот кто-то с горочки…», будет замечательно. Эту песню пела еще моя бабушка». В первом припеве ей никто не подпел, во втором тоже. Ожидался полный провал. В критический момент Галина Леонидовна Брежнева вдруг запела, и все сорок человек дружно подхватили, потому что пела сама дочь генсека.

После концерта состоялся ужин, и брат Толкуновой, Сережа, спросил у Галины Леонидовны разрешения прикурить от зажигалки Чурбанова, лежавшей на столе. Она ответила: «Конечно! И возьми ее себе, я тебе дарю… пока Чурбанов не видит».

Я был знаком со вторым мужем Валентины Васильевны, Юрием Николаевичем Папоровым, импозантным, статным мужчиной. Еще до нашего с ним знакомства Римма Казакова отзывалась о Папорове как об исключительно одаренной личности.

Как-то раз он поехал с нами на гастроли в Среднюю Азию, в город Ош. Мы сидели в теплый день у озера и беседовали, а в Москве стояли холода. Он много, интересно рассказывал о своей работе в Мексике, о написанной им книге «Хемингуэй на Кубе».

Что касается Риммы Казаковой, знакомство с ней состоялось следующим образом: мы с Толкуновой поехали в Канаду по линии общения с соотечественниками. Это была довольно странная организация, непонятно кем финансировавшаяся, и называлась «Встречи с соотечественниками». По тем временам любой выезд за рубеж считался редкой и почетной возможностью. Мы получили суточные еще здесь, в Москве, нам оплатили дорогу, и мы с Валентиной Васильевной оказались в Канаде. Нас принимали духоборы – конфессия христианского направления, отвергающая внешнюю обрядность церкви. Еще Лев Толстой на гонорар, полученный за роман «Воскресение», помог им выехать за рубеж, и они поселились в канадской провинции Саскачеван. Выступив перед духоборами, мы дали концерт в посольстве.

Когда пришло время улетать, в аэропорту объявили, что в Советском Союзе со следующего дня вводится сухой закон. Мы, конечно же, бросились покупать спиртное, чтобы напоследок оторваться в полете, забыть который нельзя. Казалось, пьяны были не только пассажиры, но и экипаж – самолет периодически заносило и беспрерывно трясло; трио бандуристов из Украины исполняли уморительные куплеты… Одним словом, это был удивительно веселый рейс.

Примерно через час после взлета к Вале вдруг подошла какая-то женщина, и они расцеловались. Оказалось, это Римма Казакова, которой Толкунова сразу меня представила. Римма дала мне свой телефон, а со временем я случайно наткнулся на ее стихи, написал песню и позвонил ей. Так был создан репертуар для нескольких певцов, довольно быстро сделавшийся популярным: «Мадонна», «Вдохновение», «Ты меня любишь», «Безответная любовь», «Снежный мальчик». Во многом благодаря Толкуновой я встретил поэтессу, которой суждено было стать знаковой фигурой на моем творческом пути. Приятно, что наши с Риммой песни звучат по сей день.

К сожалению, я бы не сказал, что личная жизнь Валентины Васильевны сложилась счастливо, в отличие от жизни творческой. Это была закрытая для обсуждений тема, но как люди, повсеместно находившиеся с ней рядом на гастролях, в перелетах, в гостиницах и на сцене, все мы понимали положение вещей.

Толкунова постоянно читала, анализировала; у нее был особый взгляд на мир, свои требования к людям, к музыке, к поэзии. Мы не являлись единомышленниками, даже чаще спорили, чем соглашались друг с другом, но беседы с ней доставляли неизменное удовольствие.

В 1987 г. я написал репертуар для Серова, и стало ясно, что мне пора двигаться дальше самостоятельно. Уходил я из коллектива Валентины Васильевны непросто.

Справедливости ради надо отметить, что Толкунову не обрадовал мой новый проект, но оставаться ее музыкальным руководителем у меня уже не было возможности: требовалось сконцентрироваться на работе с Серовым. Она написала письмо в дирекцию Москонцерта, что-то вроде жалобы: хотела, чтобы не я ушел от нее, а она меня уволила.

Я чувствовал новый, мощный виток в своей карьере, и Саша был всецело готов к стремительному взлету; в нем присутствовал кураж, колоссальная энергия. Когда «Мадонна» уже стала популярной, Толкунова, представляя меня со сцены, говорила: «Мой музыкальный руководитель – автор песни «Мадонна»». Зал

взрывался аплодисментами, а она продолжала: «Но он не остановился на достигнутом, и в его творчестве есть еще одна песня». А у меня уже был записан целый альбом с Серовым. Я думаю, с ее стороны это была обыкновенная творческая ревность, вполне понятная и объяснимая.

Я обратился к Валентине Васильевне с просьбой поручиться за Серова, которому выпал шанс принять участие в международном конкурсе. Поскольку Саша был в буквальном смысле слова бомжем (он выписался из Николаева, но еще не прописался в Москве), ему требовалось поручительство известной и уважаемой персоны, чтобы выехать за рубеж. По тем временам, возможно, это было немалым одолжением, но Толкунова не дала согласия, и меня обидел ее отказ.

К счастью, в нашей жизни все достойное, талантливое находит – так или иначе – свое место и свою публику. Саша был преисполнен артистического куража и готов к популярности. В итоге он все равно поехал – и победил, причем на двух конкурсах подряд.

Поскольку мой уход из коллектива был непростым, отношения с Валентиной Васильевной мы некоторое время не поддерживали. Позднее снова стали общаться, хотя и нечасто. Несмотря ни на что, я всегда говорил: «Пригласите Толкунову на «Песню года», так как понимал, что она олицетворяет огромный пласт нашей культуры и песни. Работа с ней дала мне бесценный опыт.

В какой-то момент Толкунова решила записать пластинку на фирме «Мелодия». Мы настолько завелись на создание этого альбома, что стали беспрерывно записывать, и все это в результате вылилось в два альбома. Редактором был Владимир Дмитриевич Рыжиков, который впоследствии сыграл в моей судьбе важную роль: он подписал нам с Серовым совместный альбом, в результате чего пластинка «Мадонна» разошлась тиражом 2,5 млн экземпляров. Рецензию к ней написала Валентина Васильевна Толкунова.

Хорошо, что острота в наших с ней отношениях прошла, время все сгладило, и мы снова стали общаться. Я помню, мы встретились на поминках Муслима Магомаева, потом на концерте его памяти, где она сидела рядом с Тамарой Синявской.

К моему юбилею создали фильм на канале РТР, куда вошло интервью с Валентиной Васильевной. Для меня это было приятным сюрпризом. Она говорила обо мне очень тепло, вспоминала смешные эпизоды, наши розыгрыши.

Молва то записывала ей в братья Льва Лещенко, то женила их. Я с Левой очень дружу и знаю, что для него смерть

Толкуновой стала страшным ударом. Он мне рассказал, как накануне ее последнего дня приехал в больницу; как светло она уходила, как была сильна духом, не проронила ни слезинки. Зная, что она уже пять дней не встает с постели, он уговаривал: «Надо ходить, Валя!», а она в ответ: «Я хожу, Левочка, ты только не волнуйся, я хожу». Они обнялись…

На похоронах Лещенко сказал мне: «Сегодня я весь день буду сердцем и мыслями с Валей, и завтра тоже, и послезавтра. После поминок буду сидеть один, поминать и разговаривать с ней». Через неделю я снова встретил Леву. Он, все в том же состоянии потрясения, сказал: «Никак не могу отойти, никак не могу поверить».

Толкунова была закрытым человеком; она не открывалась людям, и мне в том числе. Тем не менее она не просто говорила о любви к ближнему, а действовала, как должно поступать верующему человеку. Валентина Васильевна помогала людям практически: выбивала квартиры, просила за многих… Как-то раз Света Моргунова сказала мне: «Валя – сумасшедшая мама! Предложила спеть в воинской части моего сына Максима, чтобы к нему хорошо там относились».

Как-то раз Толкунова предложила: «Поехали в Тольятти выступим. Обещают экспортную шестую модель с шестым двигателем. Это же дефицит сумасшедший!» Я согласился, и мы поехали. Я гнал эту машину обратно, в Москву. По пути случился забавный курьез. Валентина Васильевна попросила остановиться, чтобы сходить в туалет, но, как назло, по дороге ничего подходящего не попадалось. Вдруг проезжаем деревню. Видим дом с забитыми ставнями и туалетом во дворе. Мы остановились, и она поспешила туда. Я прозевал момент, когда из дома вышел хозяин и пошел в том же направлении. Обернулся я уже тогда, когда перед его носом открылась дверь и вышла Валентина Васильевна с распущенными волосами. Мужик чуть с ума не сошел! Отъезжая от его дома, мы видели, как он шел по дороге и вслух разговаривал сам с собой. Наверное, до конца своих дней рассказывал знакомым, что в его туалете побывала сама Толкунова…

Валентина Васильевна была высокопорядочным, светлым, умным, хорошо воспитанным и неоднозначным, специфическим человеком. Она умела правильно общаться, находила к каждому тактичный, деликатный подход, у нее всегда были умные речи; она умела дружить, красиво относиться к людям, умела расположить к себе. Но внутри она все же была намного сильнее и жестче, чем можно догадаться.

Ее жизнь трудно назвать беззаботной: она многим помогала,

зарабатывала деньги для всей семьи, работала на износ, поддерживала семью брата Сергея – одним словом, делала все, что было в ее силах. Наверное, доброта заключается именно в поступках. Она безумно любила маму и сына Колю.

Выходя на сцену, Толкунова становилась воздушной. Вне сцены она была нормальной женщиной, со своими обидами, ревностями, которых не отнять у живого человека; но когда она пела, то вся преображалась. Не только перед зрителем, но и перед микрофоном на записи она начинала сиять изнутри. Именно это и называется талантом.

Саульский после их расставания и ухода Толкуновой из ВИО-66 просил: «Возьмите Валю на какие-нибудь встречи, халтуры, чтобы она заработала». Она же на все предложения отвечала: «Пока не решу, что буду делать на сцене, – никуда не поеду». Валентина Васильевна продумала свой сценический образ, но он не был создан искусственно, ведь без внутренних предпосылок его было бы невозможно воплотить в реальность. В Толкуновой содержался особый посыл к людям, в том числе к несчастным людям. Она была готова сделать их жизнь светлее, как-то облегчить их невзгоды, печали своим творчеством. Все началось с песен «Стою на полустаночке», «Мой милый, если б не было войны», «Спят усталые игрушки», «Деревянные лошадки», «Поговори со мною, мама» – все они знаковые, навсегда вошедшие в историю советской песни.

После траурных, глубоко минорных песен во имя павших в Великой Отечественной войне, вдруг появилось творение гениального Шаферана: «Никто калитку стуком не тревожит,/И глохну я от этой тишины./Ты б старше был, а я была б моложе,/Мой милый, если б не было войны». Кто сейчас может так написать?!

Совсем недавно мы с Александрой Пахмутовой сидели в жюри конкурса песен ко Дню Победы. Мы прослушали восемьдесят финалистов из семи тысяч участников, но ничего сопоставимого по силе и глубине в помине не было. И дело не в том, что времена Толкуновой были ближе к военным. Все объясняется проще: толкуновское исполнение – уникально. То же самое и с песней «Поговори со мною, мама». Написано немало песен о маме, но так, как она, не спел никто, и ни одна другая песня о матери не приходит на ум, кроме этой. И по детской тематике никто ее не смог обойти: «Носики-курносики» и «Спят усталые игрушки» остаются эталонными. Ее особый тембр голоса украсил также мультфильмы «Простоквашино» и «Порт» на музыку Марка Минкова. Толкунова оставила о себе светлую человеческую и творческую память.

После ухода из жизни за Валентиной Васильевной тянутся связи едва ли не мистического толка. Поэтесса Карина Филиппова, на стихи которой Толкунова исполнила более двадцати песен, стала автором текста новой песни Филиппа Киркорова, а я написал музыку. Все сложилось один к одному. Киркоров принес мне стихи, а я их каким-то образом умудрился потерять. Звоню Киркорову, говорю: «Мне неловко, но придется попросить стихи еще раз». Стал снимать пиджак – они выпали из кармана. Я подошел к роялю и сразу сыграл. Песня родилась мгновенно. Набираю снова номер Филиппа, говорю ему: «Знаешь, а я уже написал». Он отвечает: «А я как раз из аэропорта возвращаюсь и твой дом проезжаю». Я предложил: «Так заезжай послушать!» Иначе как судьбой это не объяснить. И ниточка ведет от Валентины Васильевны Толкуновой.

Мне кажется ужасной несправедливостью, что такие люди, как она, уходят слишком рано.

Народный артист России
ЛЕВ ЛЕЩЕНКО

Думая о Вале Толкуновой, я возвращаюсь к воспоминаниям ранней молодости, к самому началу жизни. Я кончал институт, параллельно работал в Московском театре оперетты стажером, чуть позже – артистом, и мы несколько раз пересекались в концертах под управлением Юрия Васильевича Силантьева. Валя совсем недавно рассталась с Юрием Саульским, ушла из ВИО-66 и начала работать в Москонцерте. На Гостелерадио она появилась году в 1972-м, в то время как я, проработав там уже год, считался певцом с опытом.

Москонцерт организовал «чес», как мы это называли, – семьдесят концертов по Дальнему Востоку, Сибири и Камчатке. В то время не было понятия «коммерческий проект», и тем не менее перед нами стояли именно коммерческие задачи, поскольку работали мы стадионы, дворцы спорта, и для выполнения столь масштабных задач нужна была продвинутая, пышущая энергией молодежь. Поехали Валя Толкунова, Женя Мартынов, Гена Хазанов, диктор Центрального телевидения Света Моргунова и я. Также с нами была часть музыкантов из оркестра под управлением Вадима Людвиковского (позднее коллектив был переименован в «Мелодию»).

Представьте себе 70-е годы: необустроенные советские города, затхлые гостиницы, а иногда и вовсе не гостиницы, а библиотеки, пансионаты и общежития моряков. Несмотря на спартанские условия, получалось славно, весело – ведь мы были молодыми, жизнерадостными и жадными до творчества. Никто никому в то время не завидовал, поскольку это было самое начало нашей карьеры, да и восходящие звезды были совершенно разноплановыми. Концерты проходили с большим успехом, а после выступлений мы ходили большой, дружной компанией на рынок, вместе с музыкантами готовили ужин – общий котел… Какое это было чудесное время!

Поездка длилась больше месяца, все мы слегка поизносились, и девчонки, Валя со Светой, даже стирали и гладили нам рубашки перед концертами, заботились о нас. Одним словом, это был кагал молодых ребят и девчат, не отягощенных званиями, регалиями и славой. Все мы очень сблизились в той поездке и стали в дальнейшем одними из самых популярных людей в нашем Отечестве. Нам удалось заработать для Москонцерта огромные деньги, а наши ставки при этом были мизерными,

самыми низкими из возможных. Если пересчитать в эквиваленте, то заработок за один концерт равнялся стоимости трех бутылок водки. Несмотря ни на что, мы бесконечно радовались возможности выйти на большого зрителя и не считали деньги приоритетом.

В Валю был влюблен удивительный музыкант Леша Зубов, который ходил за ней хвостиком и, по-моему, досаждал повышенным вниманием. У них намечался роман, который для Леши закончился весьма плачевно: он развелся с женой, а Валя его так и не приняла. Я отчетливо помню, как он страдал. Валя была тогда потрясающей: стройная, с роскошными, длинными волосами, очень дружелюбная, спокойная, женственная. В то же время она никого не подпускала к себе слишком близко, умела держать дистанцию.

По возвращении в Москву мы стали реже общаться, и по-настоящему нас с Валей сдружил композитор Павел Аедоницкий, написавший ей «Серебряные свадьбы». У меня из его песен была в репертуаре «Я вас люблю, столица», которая хотя и не стала шлягером, но все же была на слуху.

Одни из самых дорогих сердцу воспоминаний, связанных с Валечкой, – наши легендарные поездки в Узбекистан. Большим другом и сподвижником Павла Аедоницкого был тогдашний глава республики Шараф Рашидов, который вдохновенно писал стихи. Павел Кузьмич сочинил для него несколько песен, и одну из них я даже исполнял. К тому же еще один близкий друг Павла, Леонид Греков, стал вторым секретарем ЦК Республики Узбекистан, так что принимали нас по-королевски.

Два-три раза в год мы в обязательном порядке ездили в Среднюю Азию, и как правило, вместе с Валюшей. У меня много фотографий, на которых мы с ней стоим в расшитых халатах около чайханы, на природе. Нас привозили в небольшой оазис, где накрытые на коврах столы ломились от яств; неподалеку стоял мраморный умывальник, и весь этот сказочный колорит впечатлял нас донельзя. Иногда мы даже летали «своим» самолетом – Самарканд отправлял за нами небольшой «Як-40».

Помню, в Самарканде, у гробницы царя Тимура, нас встречал человек, который знал, что мы – от Рашидова и Грекова, и страшно суетился, стараясь угодить. С необыкновенной мягкостью в голосе он поинтересовался: «Вы спуститесь в гробницу Тимура?», а я в ответ хохмил: «А что, ее можно сюда вынести?»

Памятный 1972 г. принес нам с Толкуновой всенародное признание: я выиграл фестиваль в Сопоте, а Валя спела два хита: «Поговори со мною, мама» и «Серебряные свадьбы». Мы с

легкостью собирали стадионы. Потом были многочисленные концерты в Колонном зале Дома союзов, на телевидении, а после того как Люся Лядова написала дуэт «Телефонный звонок», народ стал считать нас братом и сестрой, а потом и вовсе «поженил». Это вызывало некоторое недовольство, даже ревность моей законной супруги. Действительно, мы с Валей, появляясь на сцене или телеэкране, выглядели героями из русского фольклора: добрый молодец да красна девица. Валя олицетворяла исконно русскую добродетель благодаря проникновенному лиризму и особой душевности, с оттенком легкой, романтической грусти.

Прошло некоторое время, Толкунова продолжала работать в Москонцерте, я – в Росконцерте, и это обстоятельство вновь разделило нас, поскольку концертная деятельность у каждого была своя. Первая совместная поездка за рубеж состоялась в 1976 г.: Валя, Гена Хазанов, я и группа молодежи поехали на Олимпиаду в Канаде. Нас поселили в общежитии моряков. Мы разместились в большом учебном классе, а в классе по соседству жили наши девочки. Нас, мальчиков, было двадцать два человека в одном помещении. Разумеется, запах стоял невыносимый; мы с Хазановым заходили со спреем в руках, разбрызгивали вокруг себя и только после этой процедуры ложились спать. Девочки жили ввосьмером: Нана Александрия, Валя Толкунова, группа комсомольской поддержки и две немки.

В поездку мы взяли с собой массу сувениров и два огромных ящика водки, бутылок по сорок в каждом. Водка стояла у нас в углу и дожидалась своего часа. Чтобы не скучать, мы придумали двусторонние встречи. В свободном от постояльцев классе накрыли столы, благо закуски было вдоволь, так как питались мы со шведского стола. Разумеется, никому, кроме русских, не приходило в голову брать продукты навынос: мы набивали сумки экзотическими (по меркам советского человека) фруктами, консервами, всякой всячиной и несли к себе. На окне стоял кондиционер, в который мы складывали продукты, как в холодильник. Первыми на дружественную встречу к нам попали немцы, которых по окончании застолья пришлось разносить на руках по койкам. Стоит ли говорить, скольких друзей мы приобрели в той поездке!

Через несколько дней мы были приглашены в гости к члену Политбюро, послу СССР в Канаде Александру Яковлеву. Знакомство состоялось случайно: мы с Валей оказались на приеме, на корабле «Пушкин». Было тесно и многолюдно. Вдруг кто-то резко толкнул меня в спину. Я обернулся и увидел добродушное лицо мужчины, который принялся вежливо извиняться. Он представился, мы познакомились, и он пригласил

нас на следующий день к себе домой. Пришли и Гена Хазанов, и Женя Мартынов. Яковлев был обаятельным, интеллектуальным, остроумным человеком. Он много шутил и рассказывал любопытные истории о канадской жизни. Женя Мартынов играл, мы с Валей пели, Гена читал. Получился импровизированный домашний концерт. Вышли мы от Яковлева ровно через сутки.

На первый взгляд многие артисты снискали любовь публики, но только Валины песни поддерживали – и, надеюсь, будут и дальше поддерживать и развивать – внутреннюю культуру в людях, напоминали о том, что доброта человеческая, отзывчивость, чуткость являются отличительными чертами русской души. Кому, кроме нее, выпала столь высокая, честно выполненная миссия? Я убежден, что никому. Во всяком случае, ее шлягеры останутся символом душевной теплоты, и в этом смысле Толкунова – единственная певица, чей репертуар от первой до последней песни преисполнен смысла и проникновенности.

Творчество Толкуновой – это сорок лет истории. Когда артиста чествуют при жизни, именуя «великим», эпитеты звучат излишне пафосно и зачастую неискренне. Сейчас, после ее ухода, я не перестаю думать о самом болезненном: человек, внесший колоссальный вклад в национальную русскую культуру, вошедший в плоть и кровь советской, а впоследствии и российской семьи, где патриотизм и духовность – не пустые слова, был сильно недооценен в последние годы жизни. Если говорить о ее творчестве не поверхностно, а вдумчиво, серьезно, то вывод напрашивается сам собой: никто из артистов, кроме Вали, не воспринимался людьми как член семьи.

Валины песни можно исполнять и в компании бардов, и в кругу русских народных исполнителей, и на российских государственных праздниках, и, конечно же, на эстраде. За свою долгую жизнь я знал лишь двух женщин, любимых всенародно, – Валентину Толкунову и Александру Пахмутову. Положа руку на сердце, мы, артисты, нередко лжем, говоря о той или иной певице высокие слова, но в случае с Валей нет нужды кривить душой, потому что она была настоящая. Нет ничего важнее в артисте, чем правдивость и естественность, ведь публика безошибочно чувствует фальшь.

Можно смело утверждать, что на протяжении сорока лет Валя Толкунова занималась духовным просветительством со сцены. Последние годы она глубоко переживала кризис русского и эстрадного жанров в России. Мне горько оттого, что именно настоящие и поистине скромные артисты, как правило, не получают при жизни благодарности на государственном уровне,

от лица страны. Смешно сказать, у Толкуновой даже не было ордена «За заслуги перед Отечеством»!

Никто не ездил по российской глубинке так часто, как это делала Валя, чтобы своим искусством хоть на время скрасить невеселую жизнь людей на периферии. Толкунова шла в народ, потому что чувствовала себя неотъемлемой его частью. Она по-настоящему выкладывалась, отдавая зрителю всю себя. Толкуновская песня дышит русскими просторами, духом земли, полевыми цветами, родниковой водой. Все ее творчество созвучно огромной народной душе, а народ не может ошибаться в своих сердечных привязанностях. Кому же еще, как не ей, называться народной певицей?

Неоднократно мы с Хазановым наблюдали, как люди окружают Толкунову после концерта, чтобы дотронуться до нее, поцеловать руку, обнять, спросить совета. Если у нас с Геной просто брали автографы, то к Вале шли с открытым сердцем, как к просветленной.

Размышляя о своей дорогой подруге, я вспоминаю строки Давида Самойлова: «Час пришел, смежили очи гении, и когда погасли небеса – словно в опустевшем помещении, стали слышны наши голоса…»

Заслуженный артист России
ЛЕОНИД СЕРЕБРЕННИКОВ

Мы познакомились с Валей Толкуновой в 1978–1979 гг. Точнее сказать не могу; помню лишь, что я как раз начал сниматься, появляться на телевидении – одним словом, делал свои первые шаги на эстраде. Эдуард Савельевич Колмановский, известнейший композитор, один из столпов, неожиданно пригласил нас с Валей на запись «Новогодней елки». Я это воспринял как шок: сам Колмановский пригласил! Имена Фельцмана, Френкеля, Колмановского, Фрадкина были столь громкими, что казалось невероятным чудом получить приглашение от одного из них. К тому времени я уже был знаком с Гладковым, но все равно каждое новое знакомство с композитором воспринимал как подарок судьбы. И Валя в то время уже была знаменитостью, входила в число звезд эстрады первой величины – такая молодая, красивая, мягкая.

Мы встретились у Эдуарда Савельевича. Как сейчас помню небольшой, уютный кабинет, рояль. Мы сели в уголочке, он наиграл музыкальный диалог, и мы с ходу по ролям его разыграли. Я безумно волновался рядом с ними: все же Толкунова, Колмановский… Эдуард Савельевич был очень теплым, семейным человеком. Что касается Валентины, то она, как состоявшаяся звезда, могла по-всякому отнестись ко мне, молодому, начинающему артисту; но повела себя настолько деликатно, что через десять минут я забыл о волнении. Она ни разу не надавила на меня, не высказалась двусмысленно, с ней было удивительно легко. Это чувство легкости оставалось неизменным на протяжении всего нашего знакомства. Сколько бы мы в дальнейшем ни записывались (было порядка тринадцати дуэтов, и еще некоторые вещи исполнялись без записи), это всегда происходило на равных, и Валя ни разу не выказала своего превосходства. Редкостное качество! Потому с ней и работалось легко, изумительно просто, и я расслаблялся в ее компании, не испытывая ни зажатости, ни напряжения от того, что работаю с большой звездой.

Наш «Диалог» – несомненно, подарок судьбы, потому что, не встреться я с Толкуновой, неизвестно, как сложилась бы моя дальнейшая жизнь. Записанный нами дуэт оказался знаковым в развитии моей карьеры – песня быстро стала суперпопулярной, и для меня «Диалог» явился настоящим «пропуском на работу»: мы выступали всюду, участвовали в концертах, ездили на

бесчисленные «Огоньки». Разумеется, рядом с такой певицей меня быстро заметили, стали приглашать, и за свой стремительный карьерный рост я буду всегда благодарен Валюше.

Много позже, когда в созданном ею театре перестал идти наш совместный спектакль, мы встречались последние годы в концертах. Она вызывала меня на сцену и всегда представляла публике не иначе как: «Это – мой князь!», вспоминая свою роль некрасовской княгини в спектакле, где я играл князя Волконского. Мало сказать, что мне было приятно, – эти воспоминания для меня без преувеличения святы.

Очень часто мы беседовали перед выступлениями, и она говорила: «Давай что-нибудь свое сделаем, создадим театр!» Наконец ее желание осуществилось: она привлекла композитора Катаева, за основу были взяты произведения Некрасова и стихи Кольцова. Так был написан музыкальный спектакль «Русские женщины», повествующий об истории декабристов и их жен, последовавших за ними в ссылку. Спектакль шел в КЗ «Россия», премьера состоялась в 1986 г. На протяжении трех лет мы с большим успехом «катали» его по стране. Постановка была мощной: задействовали балет, хор, Большой эстрадно-симфонический оркестр; дирижировал Константин Кримец, балетмейстером был Михаил Плотников, а роль генерал-губернатора исполнил, как и в фильме, Иннокентий Смоктуновский.

Вспоминая масштабность постановки, не могу не сказать пару слов о необыкновенном Смоктуновском. Иннокентий Михайлович производил впечатление слегка сумасшедшего гения. Нас приглашали на репетицию к десяти часам утра, а у него была последняя, девятая, сцена, но приходил он тем не менее ровно к десяти, тихо сидел наверху и смотрел. Он вполне мог подъехать к часу дня, и мне было не понять, почему он так рано приходит. Смоктуновский мог долго наблюдать за репетиционным процессом, но, если что-то казалось ему неточным, неправильным, он вдруг выбегал на сцену и предлагал: «Руки лучше было бы вот так держать. Давайте я покажу!», показывал, потом вспоминал, что режиссурой не занимается, и стремительно возвращался обратно в зал. Благодаря его замечаниям спектакль только выиграл, став плодом коллективного творчества: каждый участник так или иначе внес свою лепту в постановку.

Помню такой эпизод: у нас со Смоктуновским была одна гримерка на двоих, я играл князя Волконского, он – губернатора. Мне пошили мундир с эполетами, а он достал на «Мосфильме» настоящий костюм того времени. Начиналась последняя, девятая, сцена: входит вестовой и передает губернатору письмо,

извещающее о приезде княгини Волконской и с просьбой задержать ее. Примечательно, что пели в спектакле только два персонажа – Валин и мой, остальные говорили стихами (к сожалению, у меня сохранилась лишь аудиозапись спектакля).

Как-то раз захожу я в гримерку, смотрю: на стене висит генерал-губернаторский мундир Иннокентия Михайловича, с царскими пуговицами, которых в то время костюмерам было не достать, а на столе лежит конверт с сургучной печатью – реквизит вестового. Я взял его в руки, принялся разглядывать гербовую печать, перевернул и увидел текст. Каллиграфически написанное пером, с завитушками и вензелями, письмо гласило: «Его Высокопревосходительству генерал-губернатору Смоктуновскому Иннокентию Михайловичу». Меня покорило его чувство юмора и – одновременно – вера в предлагаемые обстоятельства, что свойственно только актерам исключительного дарования.

Всех княгинь в спектакле вместил один женский образ, который сыграла Валя, а я – собирательный образ князей. Таким образом, история княжеских пар прослеживалась с пушкинского бала и развивалась в поездке княгини в Сибирь, за мужем. По дороге она заезжала в церкви, попадала на деревенскую свадьбу – и всех женщин, от невесты до молящейся прихожанки, играла Валюша. Для каждого нового образа она меняла костюм, это было изумительно красиво!

Наиболее всего впечатлял эпизод, в котором голос, читавший текст от автора, предлагал зрителю проследовать вместе с княгиней в часовенку. На заднем плане в полутьме молилась Валя, стоя на коленях, в простой белой рубахе, с шикарными распущенными волосами, а на авансцену выходила женщина – ее двойник. Таким образом создавалась иллюзия постоянного присутствия Толкуновой на сцене, в то время как она играла новый персонаж.

Постепенно денег перестало хватать, постановку урезали, а потом началась перестройка, и жизнь нашего спектакля оборвалась.

Мне часто задают вопрос, ходил ли я в гости к Вале, бывала ли она у меня. Я каждый раз отвечаю, что такой необходимости попросту не было, ведь мы проводили на репетициях, концертах и в поездках огромное количество времени. Мне даже в голову не приходило делать снимки; а теперь, когда Толкуновой не стало, я нашел всего шестнадцать фотографий – да и те были сделаны не мной, а кем-то другим.

Отдельно хочу рассказать о банкетах, коих было великое множество. Валя с удовольствием принимала участие в застольях после выступлений и всегда находилась в центре внимания, но не

из-за звания народной артистки, а потому, что умела аккумулировать вокруг себя людей и была «тамадой хорошего настроения».

Помню, приезжаем мы на гастроли в Сибирь. Сидит мэр города (название которого уже, к сожалению, не вспомню), мы с Валей рядом; начинаются официальные речи, регламентные тосты. Валя ужасно не любила протокольных формальностей. Она сидела и слушала (а выдерживала она минут двадцать, не более), потом тихо говорит мне на ухо: «Все, не могу терпеть. Сейчас все это поломаю». Тут же рассказала пару анекдотов, и принимающая сторона понемногу расслабилась, а еще через полчаса веселье было в разгаре. После застолья ко мне подошел помощник мэра и сказал: «Что Валентина Васильевна сделала с нашим первым секретарем? Оказался душевным мужиком! Расцвел на глазах! Мы его в жизни таким не видели!»

Валя отличалась не только талантом изумительно рассказывать анекдоты, но и смешливостью: если звучал удачный анекдот, она хохотала в голос, и настолько заразительно, что невозможно было не хохотать вместе с ней. Был случай на съемках новогодней программы, по-моему, «Золотого шлягера»: мы с Толкуновой сидим вдвоем за столиком, перед нами шампанское, фрукты. По соседству сидят Полад Бюль-Бюль оглы, Оскар Фельцман и другие звезды первой величины. Очередь до нас никак не доходила, мы сидели и сидели в ожидании съемки. Прошло часа три. Силы на исходе, и даже открыть шампанское нельзя. Проходит еще час. Я думаю про себя: «Не выдержу. Не смогу». В это время приступили к съемкам Полада Бюль-Бюль оглы. Валя просит: «Скажи что-нибудь веселенькое, а то умру от тоски!» А мы за четыре часа ожидания уже успели переговорить обо всем на свете, и последнее, что я вспомнил, был неприличный стишок, рассказанный мне накануне. Я предупредил ее об этом, но она только отмахнулась: «Рассказывай!» Я говорю: «Ты же хохотать будешь во весь голос», а она: «Нет, не буду». Я: «Да знаю я тебя, будешь», а она: «Что ты знаешь? Говорю же, что не буду, раз нельзя». Ну, я тихонечко ей на ухо прочитал стишок. Она закрыла лицо руками и затряслась, давясь беззвучным смехом, но чем больше сдерживалась, тем сильнее смех прорывался наружу. В итоге Валя начала самозабвенно хохотать, откинувшись на спинку стула, и никак не могла остановиться, поэтому съемку вынуждены были прервать. Она смеялась так долго, что слезы размыли грим, и ее увели перегримировываться. Никто из присутствующих так и не понял, что же произошло.

На протяжении пятнадцати лет мы совместно выступали на всевозможных праздниках, юбилеях городов, заводов, на

концертах, ездили на гастроли. Не буду называть город, в котором произошел интересный эпизод, чтобы не тревожить сложившуюся легенду, а случай этот действительно стал легендарным. Приезжаем мы в город N, нас встречают в аэропорту, все организовано на высоком уровне. Мы садимся в машину, едем. Валя сидит на переднем сиденье и беседует с помощником губернатора: интересуется, чем живет город, какие существуют сложности и т. д. В процессе разговора выясняется, что губернатор нездоров, у него больное сердце, и на концерте он присутствовать не сможет. Приезжаем в гостиницу. Помощник губернатора интересуется, когда подать машину. Валя отвечает: «Через час». Я в недоумении, почему так рано, но вопросов не задаю. Через час мы уже едем в больницу к губернатору. По дороге Валя покупает огромный букет. Мы заходим в палату. Можете себе представить удивление губернатора, который лежит на больничной койке и вдруг видит Толкунову: волосы распущены, в руках потрясающие цветы, длинная шуба из чернобурки… Хороша необычайно! Хотите верьте, хотите нет, но губернатор поправился в тот же день, вечером был при полном параде на концерте, а после концерта – на двухчасовом банкете. Вот вам иллюстрация к словам из Валиной песни: «Ты заболеешь – я приду, боль разведу руками». Она умела вдохновлять своим присутствием.

Толкуновой не были свойственны суета, нервозность. Валюша была всегда фантастически спокойна. О таких людях говорят «спокоен, как удав». Не помню ни одного случая, чтобы она возмутилась и повысила голос, крикнула. Разумеется, у нее, как у любого живого человека, случались расстройства и раздражение, особенно из-за накладок со звуком в театре, но она выражала такого рода эмоции по-своему. Если что-то было не по ней, глаза леденели, и, хотя говорить она продолжала все так же спокойно, голос делался стальным. Валя могла вежливо, но остро «отбрить» так, что мороз пробирал. Слава богу, между нами не случалось конфликтов, и напряженности в отношениях никогда не было.

С чем у Толкуновой были сложности, так это с чувством времени. Валюша, как я уже говорил, была на редкость спокойна и даже несколько беспечна в своем отношении ко времени, никуда не торопилась, не любила спешку, поэтому частенько опаздывала. Теперь, думая о ее удивительной размеренности, я могу предположить, что, зная о своей болезни еще тогда, пятнадцать лет назад, она сознательно избрала неторопливый подход к жизни.

Однажды мы с Валей поехали на двадцатидневные «сольники» в Израиль. Поселили нас в Нетании и оттуда возили

на выступления в другие города. Дорога, как правило, занимала около часа, а приезжать мы должны были, разумеется, с запасом времени на подготовку. Я был особо заинтересован прибыть на место пораньше хотя бы минут на сорок, поскольку именно я открывал концерт и ровно час выступал под аккомпанемент гитары, после чего приглашал на сцену Валю. Мы пели дуэтом, потом я уходил, она работала сольное отделение, и в финальной части концерта мы снова пели дуэтом.

Мне было необходимо прийти в себя до начала концерта, настроить гитару, выпить чашку чая – одним словом, адаптироваться после автомобильной тряски и настроиться на нужную волну. По этой причине я больше всех радел за пунктуальность. В один прекрасный день Валя опоздала на час. Я извелся в ожидании, прекрасно понимая, что мы приедем впритык и мне придется чуть ли не бегом нестись на сцену, чтобы не опоздать к началу выступления. Вдобавок ко всему зарубежная публика капризна и далеко не так терпелива, как наша, и, если бы мы опоздали на пятнадцать минут, зрители могли встать и уйти, а нас ожидала бы неустойка и конфликт с организаторами. И вот наконец появилась Толкунова. Я накинулся на нее: «Валя, где тебя носило!», а она отвечает: «Лёнь, ты знаешь, я сейчас гуляла на площади и увидела мужичка с гармошкой. Он меня узнал, и мы разговорились. Он мне всю свою жизнь рассказал!» У меня глаза на лоб полезли от такого откровения: «Валя, да ты понимаешь, что мы на концерт опаздываем? Какой еще мужичок, какая гармошка?! Неужели ты не могла ему объяснить, что спешишь на собственное выступление, что тебя публика ждет?» Она отвечает: «Мне было неловко. Он ведь жизнь свою рассказывал, как же я могла его прервать на полуслове?» Я опешил, просто не знал, как реагировать. По-человечески можно ее понять – человек изливал ей душу. Но и работа ведь не ждет. Я надулся, сел на заднее сиденье и умолк. Она, как ни в чем не бывало, комментировала пейзаж за окном: «Посмотри, какие коровки! Ой, бедуины пошли! Как интересно!» – одним словом, пыталась расшевелить меня вопросами и замечаниями. Я был сердит, обижен и отвечал односложно: «да» или «нет».

Приезжаем на концертную площадку, до начала остается пять минут. Я встал за кулисы и разыгрываюсь. Вижу, Валя с другой стороны кулис меня высматривает. Подошла и так по-детски, игриво тычет пальцем в бок: «Ну, не сердись на меня, слышишь? Не сердись!» Я, продолжая дуться, отвечаю: «Что «не сердись»? Даже отдышаться не успел, гитару толком не настроил…», а она: «Все равно не сердись. Я больше не буду». Тут я, конечно, сразу оттаял. Валя предложила: «Завтра у нас день свободен, давай

небольшое застолье организуем. Посидим, поболтаем». Я: «Договорились. Во сколько?» Валя: «В два часа». Я: «Хорошо, только не опаздывай». Валя: «В два буду как штык!»

На следующий день я накрыл стол, красиво разложил фрукты, приборы, подготовил все необходимое для комфортных посиделок. Толкунова явилась в три… Вот такое фантастическое чувство времени было у нашей Валюши.

Помню еще один эпизод. Юра Гарин, живший в Израиле, как-то раз пригласил нас в гости, поужинать перед концертом. На сей раз Валя опоздала почти на два часа. Мы примчались к нему, как сумасшедшие, за десять минут все съели, быстро поговорили, и пришлось даже брать такси, чтобы успеть вовремя обратно. Где она ходила все это время, так и осталось загадкой.

По той же причине мы чуть не опоздали на самолет из Екатеринбурга в Москву, засидевшись на банкете. Толкунова повторяла: «Да успеем, Лёня, успеем». К моменту нашего приезда в аэропорт регистрация на рейс уже закончилась. С билетами в то время было очень трудно, желающих улететь хватало, и наши билеты мгновенно продали. С горем пополам уговорили посадить нас на откидные места, предназначенные для стюардесс, сразу за кабиной летчика. Мы весь полет смеялись, болтали обо всем на свете, и это был единственный раз, когда она, посерьезнев на глазах, сказала: «Уделяй больше времени своему сыну, если не хочешь его упустить». Я понимал, что фраза сказана не просто так. Сложности с сыном Колей мучили ее всю жизнь, но оставить работу она не могла, тем более что обеспечение всей семьи зависело от нее одной.

Валя принципиально не читала газет, не смотрела телевизор. Все силы отдавались работе. Оказавшись на природе, она подолгу стояла, подняв руки к небу, будто впитывая энергию солнца. Порой складывалось впечатление, что она отрешена от всего мирского. Глобальные новости, такие, как, например, землетрясение в Индонезии, проходили мимо нее. Возможно, она была по-своему права, не зная о мировых катастрофах и не следя за текущими новостями, – ведь средства массовой информации не способствуют хорошему настроению; но я не мог подчас не удивляться тому, что она не в курсе событий, обсуждаемых повсюду. Как-то в Перми, где у нас с ней одновременно проходили не зависящие друг от друга концерты, мы ужинали в отеле и беседовали. Я говорю: «Покойный Андрей Павлович Петров рассказывал…», а она изумленно так вскинула брови: «Как покойный? Когда он скончался?» – «Да уже полгода назад, разве ты не знала?»

Толкунова светилась неизменным оптимизмом. Разговаривая

с ней в декабре 2009 г., я спросил: «Как дела?» – «Нормально». – «Правда, нормально?» – «Да, а что такое?» – «Да как тебе сказать… В газетах пишут всякое». – «Кого ты слушаешь?! Все прекрасно». Мы договорились записать дуэт. Потом она пропала недели на две. Ближе к концу декабря я позвонил еще раз: «Ну, что с нашим дуэтом? Я располагаю временем, а у тебя какие планы? Что с графиком?» – «Лёнь, у меня все дни заняты». – «Валя, ну куда ты рвешься? Разве можно так?» – «Надо работать, Лёня. Надо работать. Вероятно, у меня получится тридцатого декабря. Я выясню на студии». – «Хорошо, договорились. Не стану тебя тревожить, позвони сама, как освободишься».

Какое-то время от нее не было известий, и я стал снова ей звонить, но она не подходила к телефону, и по странному стечению обстоятельств с Алексеем, ее директором, тоже не получилось выйти на связь. Я выяснил, что Валя находится в больнице, но ехать к ней не решился, точно зная, что она не будет рада, если ее увидят ослабшей, беззащитной. К тому времени я уже был в курсе ее первой операции и совершенно искренне полагал, что на этот раз она вновь победила болезнь. Несмотря на то что в прессе сильно нагнетали обстановку, я не сомневался в Валином выздоровлении и был шокирован известием о ее смерти так же сильно, как и все остальные.

Сразу пришло понимание, почему она так много работала, почему старалась не спешить… Мы были фактически ровесниками, и казалось нелепым, что этой красивой, статной женщины с нежным голосом больше нет, а я продолжаю жить, полный сил… Жаль, что никто из знавших о первой операции не повлиял на нее, не убедил сократить гастрольный график. Даже для здорового человека такие перегрузки, какие были у нее, не проходят даром. Валя гастролировала беспрерывно. Не успев прилететь из одного города, она в тот же день или на следующий садилась в машину, автобус, на поезд и снова ехала выступать. Теперь нет смысла строить догадки и предположения, для чего Валя так себя изматывала: с одной стороны, хотела как можно больше успеть, как можно больше тепла отдать людям. С другой стороны, существует теория, что можно победить страшную болезнь положительными эмоциями, постоянно находясь при любимом деле.

Вспомнились наши последние совместные гастроли в Израиле. Она не хотела ехать – в новостях шли репортажи о военных действиях, стрельбе. На афишах было заявлено: «Толкунова. Серебренников», но первые три дня я выступал один. Приходилось начинать концерты с извинений перед публикой. Слава богу, никто не ушел ни с одного концерта, но объяснения

давались трудно: «Вы должны понять, нам в Москве наговорили страшные вещи. Она – мать и дочь, за нее переживают близкие люди, отговаривают ехать. Прошу вас отнестись с пониманием». В итоге Толкунова все же прилетела, мы отработали оставшиеся концерты, и она решила остаться, чтобы посетить святые места и немного пожить в обители. Тогда я впервые осознал, что именно вера определяет ее взгляды, поступки, мысли, но сокровенные вопросы такого порядка мы никогда не обсуждали.

Особо ценным свойством наших взаимоотношений с Валюшей было то, что мы не лезли друг другу в душу. Я никогда не задавал вопросов личного характера, не любопытствовал об отношениях с сыном, братом и близкими. Одно время ее сопровождал повсюду солидный, очень интересный мужчина. Разумеется, я понимал, что между ними особые отношения; отметил, насколько интеллигентно он держится, как безупречно, галантно относится к Вале. Тем не менее мне и в голову не пришло спросить напрямую, какое место он занимает в ее жизни. Я не считал себя вправе вмешиваться в области, меня не касающиеся. Она тоже не расспрашивала меня о частном. Валина тонкость и внутренняя культура – хороший пример для тех, кто полагает, что годы знакомства и работы бок о бок дают право на бестактные вопросы.

Валюша носила внутри глубокую печаль, несмотря на оптимизм, готовность смеяться и шутить, несмотря на особое, тонкое понимание жизни. Находясь с ней рядом на протяжении многих лет совместной работы, я не мог этого не почувствовать. Женское сердце, должно быть, грустило…

Валя великолепно водила автомобиль. Можно сказать, лихо гоняла. Как-то раз по пути на студию она озабоченно прислушивалась к звукам двигателя и с огорчением заметила: «Завтра на сервис придется ехать». Я спросил: «Зачем самой ехать? Разве больше некому это сделать?» Она, смеясь, ответила: «Я сама себе и баба, и мужик». Мне вспомнились слова из песни: «И вот приходится быть сильной, когда так хочется быть слабой». Полагаю, тянуть все на себе, одной, не имея возможности переложить хотя бы малую часть на близкого человека, – очень тяжело.

Толкунова была удивительно интересной личностью. Иногда в гастрольных поездках за три дня устаешь от нового человека, а с ней за все пятнадцать лет я ни разу не испытал пресыщения. Мы постоянно беседовали о чем-то новом, и даже если возвращались к старым темам, то рассматривали их под новым углом. Валюша не давила своим присутствием (большая редкость в компании коллег), заражала жизнелюбием, создавала уют и комфорт для

окружающих. Уверен, ей бы не хотелось, чтобы о ней говорили в минорных тонах сейчас, после ее смерти.

Публика обожала ее за удивительный, ровный свет, который она дарила людям. Неоднократно я наблюдал, как зрители, подходившие после концерта поблагодарить, обращались к ней: «Валюша, Валечка», а не по имени-отчеству. Она входила своими песнями в дома и сердца, в русские семьи, и особая исполнительская манера, выделявшая ее из всех, согревала сердца людей по всей стране.

Я долго думал и не мог найти определение жанру, в котором она работала, но потом понял: имя ему – Валентина Толкунова.

Заслуженный артист России
ГЕОРГИЙ МАМИКОНОВ

Осенью 1965 г. был организован молодой коллектив ВИО-66 (вокально-инструментальный оркестр) под управлением композитора, музыканта и дирижера Юрия Саульского, советского мэтра джаза на все времена. Какое-либо понимание джаза в то время отсутствовало, и создать такой оркестр в эпоху, когда эта музыка была чужда советской идеологии, – сродни подвигу. В условиях жесточайшего давления властей исполнять джаз было гораздо сложнее, чем можно сейчас вообразить. Самым печальным было то, что нас отказывались замечать, попросту игнорировали.

Существовали оркестр Утесова, оркестр Цфасмана, оркестр Лундстрема, оркестр Рознера, оркестр Гостелерадио, и никто не был заинтересован пополнить их ряды новой единицей. Коллеги по цеху тоже не были в восторге, узнав о создании коллектива. Они жили в согласии с идеологией того времени, по репертуару, и появление прогрессивного, модернового оркестра для них было нежелательным: сохранялся риск, что при неблагоприятном стечении обстоятельств (что было вполне вероятно) могут запретить не только нас, но и тех, кто поддержал наше начинание. Тем не менее Юрий Сергеевич как истинный энтузиаст все же собрал группу молодых джазменов. В первом составе были народные и заслуженные артисты: Игорь Бриль и Алексей Козлов, хорошо известные по сей день, значимые фигуры в джазовом мире. Собрал он и других музыкантов: трубы, тромбоны, саксофоны, – одним словом, получился типичный биг-бенд. Саульский побывал на ежегодном джазовом фестивале в Праге и обратил внимание на несколько вокально-джазовых коллективов. Поскольку он был творчески прогрессивным человеком, у него родилась идея приплюсовать к оркестру джазовую вокальную группу, которая смогла бы выступать именно в классической джазовой стилистике (самым популярным в то время был свинг). Группа должна была состоять из восьми человек: четырех мужчин и четырех женщин.

Хоровое образование в Советском Союзе было поставлено на высочайшем уровне, и поэтому группу предполагалось набрать из универсалов – выпускников или студентов дирижерско-хоровых отделений, которые умели все: играли на фортепьяно, могли исполнять партии с листа, что очень важно, так как профессиональный музыкант – тот, кто может сыграть партию по

нотам с партитуры. Аналогичные требования предъявлялись к вокалистам: мы должны были соответствовать такому же уровню музыкальной подготовки. Далее начался ликбез: с нами занимались джазмены, которые учили понимать джазовые «закорючки», блюз, основы джазовой гармонии. Саульский уделял этому вопросу пристальное внимание и даже привез из Праги несколько учебников по вокалу. В такой обстановке родился оркестр.

Нас приняли, потом отвергли, потом снова приняли, потом хотели разогнать, поскольку выяснилось, что Тамара Алибакиева, Лариса Змеевская и я учились в Гнесинке и не имели права работать. Я, по крайней мере, учился на вечернем отделении, а они – на дневном, где с этим было строго. По утрам мы репетировали в Союзе композиторов, днем посещали лекции, а вечером снова шли на репетицию. Сказать по совести, мне было очень непросто, ведь я еще и работал по распределению после училища в детской хоровой студии – преподавал детишкам сольфеджио. В училище у нас был свой коллектив, но пройти жесткий отборочный конкурс удалось только нам с Мишей Денисенко.

Когда все уже было поставлено на профессиональный уровень, нас решили расформировать, а девчонкам влепили строгие выговоры в Гнесинке. В результате меня выжили из Гнесинского училища – умышленно (по приказу свыше) начали ставить «неуды», и мне пришлось покинуть заведение, в которое я с таким трудом поступил.

Дело происходило летом 1966 г., после утверждения биг-бенда. Зародились внутренние конфликты, особенно у женской четверки. Нам пришлось нелегко (я говорю «нам», так как мы все являлись участниками процесса): и Юрию Саульскому, и Эрику Тяжову – знатоку вокального искусства, потрясающему пианисту и аккомпаниатору, воспитавшему ансамбли «Улыбка» и «Советская песня», а также причастному к созданию квартета «Аккорд». Тяжов был, пожалуй, единственным специалистом по вокальным ансамблям, в прошлом он работал музыкальным руководителем у выдающихся людей – Эдуарда Хиля и Иосифа Кобзона. К сожалению, Эрик серьезно заболел, и в нашем девичьем стане неурядицы вышли из-под контроля. Мы озадачились поиском нового контингента для женской непрочной половины коллектива. Был объявлен негласный конкурс, так как официально мы этого сделать не могли. Юрий Сергеевич с Эриком Ивановичем решили создать небольшую группу стажеров и посмотреть, что из этой затеи получится.

В стажерскую группу попала и Валя Толкунова. Она училась в

Московском институте культуры на платформе «Левобережная». Нашел ее участник первого состава Слава Толмачев. Он ездил по институтам, высматривая подходящую кандидатуру, и пригласил Валю попробовать свои силы у нас.

На прослушивании вместе с Эриком Ивановичем, который приходил на репетиции, несмотря на болезнь, присутствовали все участники ВИО-66. Тяжов не советовал принимать ее в коллектив, объясняя свою позицию тем, что у Вали недостаточная подготовка и, скорее всего, ей будет крайне сложно справиться с интенсивностью и темпом репетиций.

Несколько слов о восхитительном Эрике Тяжове, оказавшем Саульскому и всем нам неоценимую поддержку в становлении биг-бенда. Он потрясающе разбирался в людях; мог выгнать с репетиции, не церемонясь, а потом позвонить и сказать: «Я прощения просить не стану. Ты выучи-ка свою партию и больше не приходи неподготовленным. Да, и вот еще что: не опаздывай!» Девочки от него ревели, но половина женского состава была в него безумно влюблена. Он доводил до истерики в считаные минуты. Эрик Иванович был прямым, жестким человеком с потрясающей силой воли. Мы все как один обожали его.

Итак, выбора у нас фактически не было: найти кадр в неизвестный оркестр представлялось непростой задачей (слова «раскрутка» вообще не существовало, ведь в 1966 г. по телевидению транслировалась одна-единственная программа). «Сарафанное» музыкальное радио тоже не работало. Одним словом, найти замену по ряду причин было крайне сложно.

В качестве стажера Валя поехала с нами в пробную поездку в Рязань, а тут и Лариса Змеевская собралась уходить из коллектива по личным причинам. Все решилось само собой.

Не устаю повторять – были другие времена. У нас в коллективе даже свадьбы в поездках играли, и это было в порядке вещей. С нами работал тогда еще неизвестный Вадим Мулерман, приехавший из Тулы, из оркестра Анатолия Кролла. Платили в региональных оркестрах мало, сущие слезы, и многие стремились в Москву, в московский оркестр. Разница в деньгах составляла двадцать рублей – сумма немалая (сто тридцать рублей вместо ста десяти). Я делаю акцент на деталях, чтобы стало ясно, насколько иной была ситуация в те годы и что значило место в любом, даже незнаменитом музыкальном коллективе столицы. Если музыкант не спивался (и не доводил дело до увольнения за профнепригодность), то он осознавал, что его место – на вес золота. Любимчиков тогда не было, в отличие от сегодняшнего дня, когда сплошь и рядом на сцене непригодные к профессии люди. В те годы «ремесленников от музыки» вообще не было, да и

коллективов существовало немного.

Толкунова очень хотела закрепить свои позиции в нашем коллективе и, будучи еще стажером, сказала как-то раз моей супруге, рядом с которой сидела на репетиции: «Любочка, как же я мечтаю здесь петь!»

Валя была симпатичной, доброжелательной девочкой, но первое время сильно отставала от нас – сказался недостаточный уровень музыкальной подготовки, как и предрекал Эрик Тяжов. Мы все без исключения испытывали трудности, постигая основы настоящего джаза и специфической манеры исполнения, но ей было труднее всех. Славе Толмачеву посоветовали позаниматься с Валюшей, поднатаскать ее, чем он и занялся, но дело шло не так быстро, как хотелось.

Все разрешилось в поездке в Рязань. Юрий Сергеевич проникся чувствами к Толкуновой, и дальше началась совершенно другая история. Как было композитору совместить любовь и работу? Это сложный момент в жизни любого руководителя коллектива. Координировать работу оркестра – совсем не то же самое, что управлять крупным производством; ведь это живой организм, состоящий из творческих людей со своими нюансами, особенностями, ревностью. Для Юрия Сергеевича началась другая жизнь, когда весь состав узнал об их отношениях с Валей. Ему было труднее, чем кому-либо. Сложность состояла в том, что Толкунова заметно отставала от прочих участников в профессиональном смысле, но была при этом любимой женщиной руководителя, которого мы чуть ли не обожествляли. Такое положение вещей вызвало страшный антагонизм. Но Валя оказалась мудрой: она стала заниматься с ярым рвением, денно и нощно.

Саульский обратился к моей маме, заместителю директора музыкального училища им. Октябрьской Революции, которое я окончил, с просьбой оформить Валин перевод и принять к себе, так как Институт культуры не мог обеспечить ей необходимый уровень музыкального образования. Для осуществления плана созвали дирекцию коллектива и пригласили Валиных родителей. Моя мама сделала невозможное по меркам того времени: благодаря ее дружеским связям в Гнесинском училище вопрос решился. Сначала Толкунову перевели в наше, Октябрьское училище, как и было задумано, и уже оттуда – в Гнесинку. В те годы двойной перевод был невероятной авантюрой, но авторитет Юрия Сергеевича, уважаемого и любимого всеми, был выше любых препятствий.

После этого Валя быстро наверстала упущенное. Надо отдать должное ее волевому настрою на творческий рост и трудолюбию:

попав в учебное заведение, где со студентов три шкуры драли, она поняла, что надо стремительно расти и подтягиваться.

Толкуновой пришлось пережить нелегкие времена в ВИО-66, и длилось это около двух лет. Атмосфера на репетициях была натянутой до предела, Валю даже какое-то время бойкотировали. Оценивая ситуацию сейчас, с высоты прожитого, мне кажется это излишне жестоким и неоправданным, но тогда все воспринималось намного острее и эмоциональнее, нежели видится теперь; существовало понятие «коллектив», и люди в целом реагировали совершенно иначе на романы и личные истории, воспринимая их чересчур близко к сердцу. К чести Валентины Васильевны, она сумела выстоять, оказалась очень восприимчива к нюансам; многое переняла от Саульского, что в дальнейшем помогло ей в карьере.

Во время гастролей в Крыму Юрий Сергеевич и Валя внезапно улетели в Москву регистрировать брак. На следующий день они вернулись, прямиком на репетицию.

Постепенно все конфликты и неурядицы остались в прошлом. Сменилась женская часть состава, и отношения выстроились иначе, значительно теплее. Валя стала нашей подругой, совершенно «своей». У нее был искренний, серебристый смех. Она вообще была знатной хохотуньей, обожала шутки, анекдоты.

Толкунова уже тогда показала себя очень коммуникабельной, веселой, отзывчивой, и мостик неприятия был разрушен. С годами она изменилась, обрела уверенность в своих силах, но особенность характера – держать все в себе – осталась навсегда. Думая о ее недуге, можно предположить, что подобное свойство натуры во многом повлияло на развитие болезни, ведь держать в себе переживания, не давая им выхода, крайне тяжело. Кстати говоря, и Саульский был очень сдержанным человеком, и все негативные эмоции оставлял внутри, не позволяя им вырваться наружу. Позднее, когда он уже был серьезно болен, то никого к себе не пускал – не мог позволить тем, кто помнит его балагуром, остроумным и полным энергии, увидеть себя немощным, уставшим. Такая особенность характера присуща исключительно сильным и целостным натурам.

У Толкуновой появилась композиция с Игорем Брилем, она делала успехи в училище и с головой ушла в музыку. А потом начались трудные времена для коллектива. У Юрия Сергеевича были напряженные отношения с руководством Росконцерта, и на нас стали оказывать давление. Неудивительно, что мы не смогли выехать в Софию, на Фестиваль молодежи и студентов. Поехал туда вместо нас оркестр Силантьева. Все это сказывалось на Юрии Сергеевиче крайне отрицательно: он создал дело, писал

песни, Валя начала петь соло, и не только в ансамбле. На своем первом концерте, я помню, она исполняла «Масленица русская моя», перешедшую к ней «по наследству» от одной молодой певицы. Мы все ужасно переживали за нее – все же первая песня! – волновались и давали перед выходом дружеские напутствия, заверяли, что пройдет успешно. Конечно, это было волнительно, и она постоянно повторяла: «Мне бы только слова не забыть». Публика была благодарная, неизбалованная. Можно считать, что телевидения в те годы не было, поэтому для людей каждый концерт был настоящим событием. Зрители принимали ее всей душой. Валя исполнила «Масленицу…» дважды: были такие концерты, в которых каждая песня исполнялась по два раза. И зрелища люди воспринимали правильно, любили артистов; ведь в народе бытовало мнение, что певец – это не вид деятельности, с помощью которой зарабатывают деньги, а хобби, увлечение в нерабочее время. Мне неоднократно доводилось слышать диалоги:

– Вы где работаете?
– В джазовом ансамбле пою.
– Петь – это хорошо, но я про место работы спрашиваю.
– Я работаю певцом в джазовом коллективе.
– А книжка трудовая где?
– В Москонцерте.

Люди с трудом понимали, как такое возможно. Почти все музыканты того времени сталкивались с подобным отношением к своему роду деятельности.

Надо отдать должное Вале – она никогда не выпячивала свою персону, не требовала от Саульского первых партий, несмотря на статус жены руководителя коллектива, который позволял исполнять сольно как минимум четыре песни; но Валя держалась скромно, просто, у нее хватило мудрости не пользоваться привилегиями своего положения – она пела всего одну песню. Такая мудрая линия поведения обеспечила ей уважение со стороны коллег-музыкантов. Все старые обиды забылись, да и ездили мы часто, а на гастролях дуться друг на друга неделями просто невозможно. У Вали появилась добродушная, шутливая снисходительность к нам, бессемейным, поскольку она была стабильнее всех и имела право так себя ощущать.

На дворе стоял 1970 год. После грандиозного скандала с руководством Росконцерта Юрий Сергеевич был вынужден покинуть коллектив, и они ушли вдвоем. Через год после этого Толкунова и Саульский расстались. Валя с девочками создали новый квартет, а мы работали вплоть до 1971 г., пока ВИО-66 не расформировали. После ухода Саульского он почему-то стал

называться «Гармония», хотя о гармонии даже речи не могло идти без нашего дорогого руководителя.

Валя отошла от джаза и постепенно выработала собственный стиль на эстраде. Тем не менее ВИО-66 стал для нее стартовой площадкой, трамплином и дал бесценный опыт первых трудностей, а также навыки, чтобы справляться с ними.

Саульский оставил Вале квартиру на улице Чехова, в кооперативе Большого театра. За Юрием Сергеевичем закрепилось общеизвестное прозвище Почетный Строитель: это был третий по счету кооператив, который он оставлял бывшим супругам. Саульский и сам над собой посмеивался из-под очков; ничто не могло выбить из колеи этого на редкость жизнелюбивого и постоянно шутящего человека. Он был потрясающим оптимистом.

Мы продолжали часто видеться: Юрию Сергеевичу звонили композиторы, создавали музыку к художественным фильмам, и голоса требовались всегда. Так получилось, что Валина квартира стала сосредоточением подработок, или «халтур». Она часто звонила: «Жор, нужно поработать, приходи». У нее тогда еще не оформились мысли о сольной карьере. Вполне возможно, что в ней жила некая мечта, но всерьез она тогда не задумывалась, как все сложится дальше. А сложилось все по воле случая. Мы стали собираться у Вали, учили «халтуры» по нотам, которые нам приносили композиторы. В тот же период времени она была занята новым коллективом «Иван да Марья». Но мы уже настолько сдружились, что, несмотря на уход нашего руководителя и их с Валей развод, несмотря на работу в новых коллективах, по которым нас разбросало, продолжали собираться у нее. Я стал «последним из могикан» – проработал в ВИО-66 с конца 1965 г. и ушел после его расформирования в 1971 г.

Мы все приезжали к Толкуновой, как в штаб-квартиру. Я уже работал в вокально-инструментальном ансамбле «Москвичи», но новый материал мы неизменно штудировали на улице Чехова. Как-то раз сидим, чаевничаем. Я попросил: «Валь, дай поесть чего-нибудь». Она растерялась: «А у меня ничего нет». Открываю холодильник – действительно пусто. Пошел к ребятам, мы скинулись, кто сколько мог (а имели мы сущие копейки – денег ни у кого не было). Внизу находился знаменитый магазин «Диета». Купил я всего ничего – говяжью печень, она в то время еще не стала дефицитом. Принес, спрашиваю: «Мука есть?» Валя отвечает: «А зачем мука?» Я говорю: «Сбегай к соседям, возьми». Чудесные времена, когда у соседей можно было без стеснения попросить пару яиц, муку или соль!.. Я порезал печень, обвалял в муке, посолил – и через пару минут был готов питательный обед.

Мы все поели. Валя была в восторге: «Ой, Жора, до чего же вкусно! Как ты все быстро приготовил!»

Соседом Толкуновой был композитор Илья Катаев, живший на седьмом этаже. Однажды он пришел к ней и предложил песню к сериалу «День за днем», главную роль в котором сыграла Нина Сазонова. После этого посыпались предложения, а еще через год мы перестали у нее собираться, поскольку Валина карьера пошла в гору и времени ни на что другое не оставалось.

Не только Саульский и Катаев сочиняли для нее первые песни, но и Орлов, Завальнюк, Поженян. Я пел с Валей один куплет из «Убаюканного солнца» на музыку Алексея Черного, которую мы записали с мужским квартетом. Эту композицию с полуденным настроением довольно часто крутили по радио. Тогда же дуэтом с Валей мы исполнили в концерте футбольную песню, так и не сделавшуюся популярной.

С течением времени мы стали редко видеться, но все же пересекались иногда на концертных площадках и гастролях; однажды встретились в Ульяновске, на концерте по случаю 100-летия В. И. Ленина, в котором принимали участие Толкунова, ансамбль «Березка» и «Доктор Ватсон». Много лет спустя мы с Валей хохотали, вспоминая, как разразился чуть ли не политический скандал: здание, в котором мы выступали, прослушивалось, а на репетиции, как назло, кто-то громко сказал о директоре: «У него на лбу не написано «член обкома»». Прибежали представители Росконцерта, принялись выяснять детали, и Юрию Сергеевичу тогда крепко досталось. Это было в 1970 г., а ровно через тридцать лет мы с Валей снова встретились в том же зале.

В 1995 г. на праздновании моего 50-летия присутствовали Юрий Сергеевич Саульский и Валя Толкунова. Она спела для меня (я подпел экспромтом, как смог) и подарила огромного мишку, который по сей день «живет» у меня в дачном доме. Запись юбилея хранится в моем личном архиве.

Мне было в высшей степени радостно, что она не пропустила мой день рождения с отговорками «У меня концерт/запись/внезапная съемка», как это нередко случается у артистов. Она вообще никогда не лгала.

Через десять лет Толкунова снова была у меня – на 60-летии. Моя дочь сняла фильм, выступив в качестве режиссера, в котором осветила вехи моего творчества, и когда Валя запела, на экране пошли кадры, посвященные нашей жизни в ВИО-66. С ностальгией и нежностью я буду пересматривать его еще много раз и вспоминать Валюшу.

Даже обладая схожими вокальными данными и жизненными

приоритетами, стать Толкуновой совсем непросто, а чтобы исполнять ее репертуар, надо быть именно Валентиной Васильевной, и никем больше. Симбиоз личности и тембра голоса создали для нас певицу Валентину Толкунову, с которой бессмысленно конкурировать, так как она не принадлежит ни к одному направлению эстрадной или народной песни в чистом виде. Она с самого начала, как говорится, «попала в песню». Шлягер «Серебряные свадьбы» она спела по-своему, естественно, незабываемо. И все благодаря своей неповторимости и непосредственности.

Валя была очень внимательным, заботливым человеком – периодически звонила моей маме, чтобы поинтересоваться ее здоровьем. Она никогда не старалась понравиться, не переигрывала ни на сцене, ни в жизни. Если верить, что у артиста есть секрет, то ее секрет – в умении передать искреннюю интонацию. Учитывая, что Валина искренность – за гранью, она одновременно и оголяет, и служит защитой для ее тонкого внутреннего механизма. Достоинство своей души она выразила так, что лишь за одно это ее можно считать большим талантом. Валентина умудрилась создать свою нишу, на стыке между русской и эстрадной песней; не исполняла темповых композиций, не присущих складу ее характера, а придерживалась своего уникального направления.

Очень обидно, что ее не было на телевидении в последние годы. Я считаю несправедливым и неверным, когда артиста приглашают на передачу в роли эксперта. Что необходимо артисту? Выйти и спеть хотя бы одну песню, а не играть в публичность. По этой причине Валя старалась все свое время отдавать гастролям и не разменивалась.

На февраль 2011 г. у нее был запланирован большой тур по Беларуси.

Когда уходят такие люди, нельзя не задуматься, почему лишь после смерти крупного артиста все начинают массово возмущаться: «Ах, отчего же никто не помог ему остаться на экране? Кто придумал термин «неформат»?»

В артистической среде есть уважаемые, влиятельные персоны, которые могли своей поддержкой удержать прекрасную певицу в фокусе телекамер. Однако этого не произошло. Нет единства в среде эстрадников, актеров. Я люблю Россию, но приходится тем не менее признать удивительную разобщенность наших людей в целом и артистов в частности. Высокое качество сегодня, к величайшему стыду и сожалению, – в категории «неформат».

Жанр русской эстрадной певицы олицетворяет Валя Толкунова. Она же – создательница и единственный

представитель этого жанра. Назвать ее ни русской народной певицей в чистом виде, ни эстрадной певицей нельзя, она – уникальное сочетание, симбиоз того и другого. Хотя Толкунова получила великолепное музыкальное образование и была взращена на русских народных песнях, ей удалось привнести свежий взгляд на песню в целом, найдя соответствие с потребностями публики своего времени. Я уверен, из нее могла получиться восхитительная исполнительница русских народных песен, если бы она пожелала (и если бы в России уделяли больше внимания народным исполнителям). Бабкина, Кадышева, Сенчина, Рюмина – вот фактически все русские певицы; но на такую огромную страну, как Россия, этого недостаточно.

Валя Толкунова, безусловно, достойна считаться великой певицей нашего времени. Прозрачная чистота голоса и душевная манера исполнения, присущие лишь ей, не оставляют сомнений в искренности и не могут не тронуть сердце. Артист такого уровня – природное явление на все времена.

АЛЕКСЕЙ ТИРОШВИЛИ

В августе 1996 г. мне позвонил давний товарищ, ведавший у Валентины Васильевны хозяйственными вопросами, и сообщил, что она ищет помощника, который бы разбирался в звуковых установках и организации концертной деятельности. Мы встретились, поговорили, и в процессе беседы Толкунова упомянула о музыкальном фильме с ее участием «Верю в радугу», сказав, что требуется копия. Август считался отпускным месяцем для всего коллектива, и на следующий день после нашей встречи она уехала отдыхать. Недолго думая, я решил воспользоваться случаем и проявить себя: достал кассету и несколько раритетных пластинок с ее песнями, а в начале сентября уже сидел у нее дома и подписывал договор о сотрудничестве.

Первоначально я был принят на должность ассистента, ведающего вопросами размещения, питания и транспорта. Постепенно Валентина Васильевна ввела меня в курс директорских обязанностей. Я находился «в тылу» и координировал гастроли из Москвы, параллельно практикуясь со звуковым оборудованием, будто предчувствуя, что эти навыки пригодятся мне в будущем.

В 1999 г. звукорежиссер Толкуновой решил уйти на покой, и я прошел боевое крещение в этом качестве в Украине, на большом концерте, проходившем в рамках фестиваля, с плавучей сценой посреди озера, где зрители стояли по пояс в воде и даже плавали вокруг сцены. Так я стал директором Валентины Васильевны и звукорежиссером в одном лице, проработав пятнадцать лет, вплоть до ее ухода из жизни.

Трудолюбие и порядочность Толкуновой были чрезвычайными, иначе не скажешь. Дав согласие на гастроли, она не отступалась ни при каких условиях, даже если в другом месте предлагали более высокий гонорар. Путешествия доставляли ей большое удовольствие: куда бы мы ни приезжали с концертами, она находила время для экскурсий, фотографировала, интересовалась историей. Валентина Васильевна много раз бывала у меня в гостях, иногда вместе со своей мамой Евгенией Николаевной. Меня восхищала ее человеческая простота, умение для каждого найти доброе слово. Она могла рассмешить любого, прекрасно рассказывала анекдоты, байки, притчи.

Как-то раз мы поехали на сборный концерт в Химки. Все артисты уже сидели в своих гримерках и готовились к выступлению. Внезапно во всем ДК отключили свет. Что делать? С минуты на минуту должен начаться концерт, отменить его

невозможно. Мы поставили свечи по краям сцены, чтобы зрители могли различить хотя бы фигуру артиста. Решили, что первой выйдет Толкунова. В течение получаса она, в темноте и без микрофона, пела а капелла. Воцарилось гробовое молчание – все слушали, замерев. После каждой песни стены сотрясались от аплодисментов. После нее таким же образом программу отработали остальные участники. Публика была в восторге. Не успел концерт закончиться, как включился свет. Была ли это диверсия или стечение обстоятельств, мы так и не узнали, но атмосферу, царившую в зале вплоть до последней минуты, я могу смело назвать волшебной.

Валентина Васильевна, не обращая внимания на тяжелые условия, всегда ехала туда, где ее ждали люди. После концерта в Кремлевском дворце съездов могла на следующий день выступить в Нижнем Новгороде, в зале на сто мест, с деревянными подмостками вместо сцены и «лампочкой Ильича». Во многих городах были аншлаги, а те, кому не удалось купить билет, толпились на улице и не уходили. Завидев приближающуюся Толкунову, кричали: «Валентина Васильевна, нас не пускают!» Она подходила к милиции на входе и говорила: «Если всех не пропустите, концерт не состоится», ждала на улице до тех пор, пока всех не запускали внутрь, и только после этого шла переодеваться. Залы укомплектовывали так, что яблоку негде было упасть, зато зрители были счастливы.

Однажды Толкуновой позвонил молодой композитор и рок-музыкант Василий Попов из Тулы. Он сказал, что хочет предложить песню, написанную специально для нее. Оказалось, его отец – горячий поклонник творчества Валентины Васильевны, который долгое время агитировал сына отвлечься от рока и создать для нее красивую композицию. Попов приехал в Москву, показал песню, и Толкуновой понравилось. Их знакомство вылилось в целую пластинку под названием «Мой придуманный мужчина». Попов стал не только автором музыки, но и текстов, за исключением нескольких, написанных поэтессой Кариной Филипповой. Пластинка вышла на студии «Союз» и быстро стала популярной.

Через некоторое время Попов вновь позвонил Толкуновой и рассказал, что у него есть добрая традиция – раз в год устраивать для соседей концерт во дворе перед домом. «Сможете приехать ко мне?» – спросил он. «Смогу», – не раздумывая, согласилась Валентина Васильевна. И мы поехали всем коллективом в Тулу. У меня сохранилась самодельная афиша: «Концерт народной артистки России Валентины Толкуновой «Во дворе»».

С Валентиной Васильевной случались мистические курьезы –

у нее периодически пропадали наручные часы; а мистика заключается в том, что через некоторое время они непременно находились. Как-то раз, в начале осени, она пожаловалась мне: «Леша, я где-то часы потеряла. Все обыскала, но безрезультатно». Прилетаем в январе в Париж, я несу багаж в ее номер. На моих глазах она начинает распаковывать вещи, и я замечаю часы, лежащие в самом центре раскрытого чемодана. Феноменально! Несколько месяцев спустя выясняется, что часы снова исчезли. Нашлись они в машине, когда делали химчистку салона. История с этими часами повторялась раза четыре, но они всегда возвращались к хозяйке неведомыми путями.

Еще один забавный случай произошел на гастролях в Кургане. У Валентины Васильевны стояла ваза с фруктами, шоколадом и орешками. С утра она мне говорит: «Представляешь, просыпаюсь – нет шоколадки. Исчезла». Я, разумеется, не придал этому никакого значения. Вечером заходим в номер, Толкунова делает большие глаза: «Леша, теперь и виноград исчез!» Костюмер Лена высказала предположение: «Может быть, Вы в задумчивости съели и забыли?»

На следующий день Толкунова обнаружила, что уже не хватает яблока. Мы с Леной вовсю хохочем: мол, пока Вы находитесь в глубоких раздумьях о высоком, фрукты сами незаметно отправляются в рот. Решили зайти к Валентине Васильевне выпить чаю, открываем дверь в номер – и видим, как огромная крыса с подоконника выпрыгивает в распахнутое окно.

Бывало, у Толкуновой появлялись новые друзья из почитателей ее творчества. Однажды ей позвонили из Нижнекамска, от директора местного завода. Он был из числа горячих поклонников и чуть ли не всю жизнь мечтал о дне, когда Толкунова приедет и споет для него. Директор завода оказался изобретательной личностью. К нашему приезду он декорировал помещение в стиле советского ретро: где-то раздобыл аппарат с газировкой советского образца, стены оклеил плакатами, на которых счастливые люди шагают на демонстрацию, а вместо лиц прилепил портреты известных артистов. Толкунова на плакате была комсомолкой с двумя детьми. Получилось очень смешно! При входе в зал поставил фокусника, переодетого милиционером, который останавливал членов городской администрации и гостей вопросом: «Нет ли у вас с собой оружия или других запрещенных предметов?» Получив отрицательный ответ, милиционер грозно рычал: «А это что такое?» – и ловким движением извлекал какой-нибудь нелепый предмет – огурец или вилку – из кармана гостя. После столь памятного концерта в Нижнекамске мы еще неоднократно приезжали туда выступать по случаю дня рождения

директора завода, и Толкунова поддерживала с ним дружеские отношения до конца жизни.

Одна из моих последних поездок с Валентиной Васильевной, ее мамой и братом Сергеем – круиз в «страну эльфов» (Норвегия, Исландия, Фарерские острова). Только мы вышли с Фарерских островов и взяли курс на Исландию, как начался шторм в десять баллов. Я не преувеличиваю – мы попали в десятибалльный шторм, который продолжался трое суток. Начался он накануне Валиного дня рождения, который она планировала отметить выступлением.

Перемещаться по кораблю было небезопасно: в концертном зале перевернулся рояль, а на стол невозможно было поставить чашку – она улетала в другой конец каюты и разбивалась вдребезги. Судно было небольшим, его швыряло и болтало во все стороны. Пассажиры поднялись на верхнюю палубу и пластами лежали в спальных мешках в музыкальном салоне. Три дня корабль медленно-медленно разворачивался, чтобы не перевернуться. До Исландии мы не доплыли, но зато по окончании круиза получили из рук капитана памятные грамоты «Морскому волку, пережившему шторм в десять баллов».

Всем известно, что Валентина Васильевна родилась в Армавире, но считала себя москвичкой, так как ее семья переехала в столицу, когда Толкуновой исполнился год. Как это ни удивительно, за всю жизнь она ни разу не выступала на «малой родине» – не было предложений. А три года назад раздался звонок из Армавира с просьбой приехать. Состоялся большой концерт на центральной площади; принимали очень тепло, с любовью, как гордость города. Но главным сюрпризом для Толкуновой стала «экскурсия» в роддом, где она родилась. Ей показали палату, в которой она появилась на свет; нянечки и медперсонал устроили торжественную встречу, преподнесли цветы…

Толкунова успела еще дважды посетить Армавир. Последний концерт проходил на стадионе, под проливным дождем, но ни один зритель не ушел. Это удивительное, знаковое событие – вернуться к своим истокам незадолго до перехода в мир иной.

Пятнадцать лет работы с Толкуновой – лучшее время моей жизни. Благодаря Валентине Васильевне мне посчастливилось увидеть мир, объездить всю Россию, познакомиться с чудесными, талантливыми людьми. Для меня она была и всегда останется уникальной женщиной, великой певицей и человеком с большой буквы.

КАРИНА ФИЛИППОВА

Есть такие строки в одном старинном романсе: «Я не помню тебя после долгой печальной разлуки…» Вот и я совершенно не помню, как именно мы познакомились с Валечкой и когда. Помню лишь, что мой приятель и соавтор Володя Мигуля стоял в вестибюле ЦДРИ (Центральный дом работников искусств) и разговаривал с Валечкой, а я в очередной раз постеснялась подойти и попросить Володю представить меня. Даже не скажу точно, произошло это шестнадцать или двадцать лет назад, потому что в памяти высвечиваются моменты особых событий, которые для меня начинаются с Валиных песен. Они возникали одна за другой, по мере того как складывалась и крепла наша дружба. За эти годы она спела двадцать одну песню на мои стихи, и все они посвящались ей и только ей.

В далеком прошлом я была актрисой, окончила Школу-студию при МХАТ, потом – аспирантуру у великого чтеца Дмитрия Николаевича Журавлева, затем некоторое время концертировала. Валечка пела в моих концертах «Вальс на Голгофу» и «Турманы, турмалины».

Всех прекрасных артистов, исполнивших более шестидесяти песен на мои стихи, я люблю всем сердцем: Клавдию Шульженко, Людмилу Зыкину, Иосифа Кобзона, Майю Кристалинскую, Филиппа Киркорова, Анастасию, Юлиана… Но никто не сделал для меня столько, сколько сделала моя самая близкая, любимая подруга Валечка Толкунова.

Я часто бывала нездорова, и она всегда навещала меня в больнице, даже в реанимации, но никогда мне и в голову не могло прийти, что она уйдет раньше меня. Я оказалась не готова к такому исходу и до сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что ее больше нет.

Я потеряла Атлантиду, на которой жила последние годы.

Совсем недавно, 11 февраля 2010 года, состоялся ее творческий вечер в ЦДРИ, и она мне сказала: «Карина, меня заедает желтая пресса. Пишут такое, что пересказывать неприятно». Тогда я предложила: «Не расстраивайся, а лучше запиши песню «Из разных мы конюшен, господа!». Она задумалась: «Как представить такую песню зрителю? Я ведь стараюсь отдавать только положительные эмоции, а выйдет конфронтация». – «Скажи открытым текстом, что это специально для представителей желтой прессы, не разбирающих репутацию, не считающихся с состоянием здоровья, с обстоятельствами жизни…»

На последнем концерте я прочла Вале посвящение в стихах и сказала все слова, которые накопились в моей душе за годы нашей дружбы и совместной работы. Какое счастье, что я успела это сделать!

Я воду пью из чистых родников
И чудо пития я не делю с другими.
Брезгливость, скаредность
Иль просто нрав таков?
А может, не жила в водопроводном
Риме,
Не радовалась всласть разгулу
общих бань…
Моя душа в лесах таинственных
блуждала,
Кикиморы ей заменяли нянь
И лесовичка колыбель качала.
Не вспомнить, не спросить,
Лишь шепот дальних слов:
Я воду пью из чистых родников.

После концерта Валюша подошла ко мне: «А я тоже приготовила тебе сюрприз – записала песню «Из разных мы конюшен, господа!». Эта запись стала для нее последней.

И снова злой поток,
И снова в спину нож,
Скрипучий шепоток,
От сплетен невтерпеж.
Но это для меня, как талая вода.
Из разных мы конюшен, господа!
Властители судеб, опять между
собой
Боритесь, милые, я отвергаю бой.
На поводу у вас не буду никогда —
Из разных мы конюшен, господа!
Овес отборный – вам,
Мне – половодье трав,
Дождь с солнцем пополам,
Веселье в пух и прах,
И не меняюсь я,
Хотя бегут года.
Из разных мы конюшен, господа!
Предательство и боль

Молчанием лечу.
Люблю, люблю, люблю!
Иначе – не хочу!
Добру и радости распахнута всегда.
Из разных мы конюшен, господа!

Мы с Валечкой чувствовали друг друга, понимали практически без слов, и я постоянно училась у нее, черпала вдохновение, согревалась светом ее удивительной души. Она часто бывала в святых местах и много общалась с духовными людьми. К сожалению, состояние моего здоровья далеко не всегда позволяло мне разделить с ней радость этих поездок, но Валя часто бывала у нас дома и красочно описывала новые места, которые ей довелось посетить.

Мой супруг, Борис Аркадьевич Диодоров, не только великолепный художник, но и замечательный повар, и к Валиному приходу он обычно готовил что-нибудь вкусненькое, а она наслаждалась его кулинарными изысками и каждый раз вздыхала: «Как же у вас хорошо! Так не хочется уходить!» Расставались мы глубоко за полночь.

Лет пять назад состоялся уникальный концерт в Зубцове, провинциальном городке в Тверской области. Об этом дне я вспоминаю как о маленьком волшебстве. С самого утра лил дождь, и я нервничала, боясь, что не все зрители смогут прийти. Как только подъехала Валечка, выглянуло солнце. Нам с Евгенией Николаевной, Валиной мамой, поставили два стула перед сценой – мы бы не выстояли на ногах. Зрители смотрели выступление стоя. Концерт был приурочен ко Дню города, и люди готовились отметить это событие с истинно русским размахом.

Буквально после первой же песни они начали пританцовывать, а еще через пять минут танцевали все до одного, шлепая по лужам, не обращая внимания на брызги… Из толпы то и дело взмывали к небу разноцветные фейерверки, отражаясь в стеклах домов. Это было похоже на сон или сказку. Люди улыбались и, положив руки друг другу на плечи, раскачивались в такт музыке.

После концерта случился забавный казус: ко мне подошла приятная старушка и со слезами на глазах сказала: «Спасибо, что ты ее нам родила!» Я так растерялась и растрогалась, что не успела даже объяснить, что благодарить надо не меня. Евгения Николаевна все слышала, но из деликатности промолчала, а после долго смеялась.

Поздно вечером Валечке передали из милиции

благодарность: впервые за много лет в городе не случилось ни одного происшествия, ни одной драки, ни одного привода в отделение в нетрезвом виде. Ей было дано преображать мир вокруг себя.

Нечто похожее по духу и атмосфере было в Малоярославце, куда мы с Валечкой поехали, чтобы посетить Черноостровский женский монастырь. Она пела «Ангел мой, будь со мной», а я наблюдала ни с чем не сравнимое душевное слияние певицы и слушателей. То ощущение единства, какое все мы испытали, не поддается описанию. Везде, где появлялась Валя, жизнь человеческого духа становилась осязаемой.

Я счастлива, что мы с ней совпадали в ответах на три главных вопроса, применимых к каждому поступку и каждому принятому в жизни решению: красиво это или некрасиво? достойно это или недостойно? благородно это или неблагородно?

Я снова злой поток замкнула на себе.
Обречена душа, и в горле ком
колючий,
Но вновь не стану мстить ни миру,
ни тебе,
Мой затаенный враг или
несчастный случай.
Жизнь снова все сама поставит
на места.
Не брошу в мир ни искорки,
ни стона.
Оболгана, осмеяна, чиста,
Молюсь и тихо плачу у амвона.

Московская патриархия неоднократно обращалась к Вале Толкуновой с просьбой исполнить песню «Вальс на Голгофу». К этому можно ничего не добавлять – понимающий да прочтет между строк, что значит для глубоко верующего человека такая просьба.

За полторы недели до ухода из жизни Валечка мне сказала: «Готовь новую программу. Мы скажем то, о чем давно пора сказать». Название родилось само собой: «Россия, вспомни о себе!»

Через десять дней ее не стало.

Никто не знает Валентину Толкунову такой, какой знала ее я. И нет на свете подходящих слов, чтобы поделиться этим знанием с остальными. Королева умерла. Да здравствует Ее Величество!

ТОЛКУНОВА
Монолог

Все начинается с любви. Жизнь соткана из чувств.

Я с юных лет была достаточно влюбчивым человеком, но влюблялась всегда тайно. Образ мальчишки, который мне нравился, я возводила в какую-то невероятную степень божества или превосходства, недосягаемого и возвышенного. По сути, я выдумывала себе объект любви, дорисовывала к привлекательной внешности те черты и свойства характера, которые казались мне идеальными. Скажу честно, мне нравились очень красивые мальчики. Я никогда не открывала им своих чувств, но впоследствии так получалось, что они сами искали моего общения. Однако к тому моменту, когда они обращали на меня внимание, острое чувство уже притуплялось, и с моей стороны восторженности уже не было. Объект обожания становился простым смертным. Обидно, что именно в этот момент мальчишки начинали проявлять активность: предлагали прогулки, назначали свидания. Но меня это уже не интересовало.

В десятом классе мне очень нравился один чудесный мальчик. К сожалению, взаимность наступила именно тогда, когда у меня уже прошел этот пик восторженности. Я не помню точно, но, кажется, этого мальчика звали Володей. В шестнадцать лет я влюбилась в студента. Я была еще школьницей, а он учился в Тимирязевской академии. Это был такой популярный, живой парень, который, как позже выяснилось, не оставлял без внимания ни одну симпатичную девчонку. Несмотря на репутацию ловеласа, ко мне он относился нежно и любовно, говорил: «Валя, я не могу понять, что со мной происходит. Не могу тебя коснуться, страх какой-то необъяснимый охватывает… Настолько ты искренняя и естественная, что мне страшно дотронуться до тебя; только и могу, что любоваться». История закончилась поцелуями, дальше них мы не заходили. У меня добрый и справедливый ангел-хранитель. Он никогда не позволял произойти тому, что в моей жизни оказалось бы лишним, неправильным. Исполняя песню, я мысленно благодарю своего ангела:

Ангел мой, будь со мной,
Ты впереди, я за тобой.
Батюшка в юности мне говорил,
Что рядом со мною всегда и везде

Ангел-хранитель – его я просил
Господа Бога молить обо мне.
И пел я молитву из нескольких слов,
Что родом из детства
и радостных снов.
Ангел мой, будь со мной,
Ты впереди, я за тобой.
Ангел мой, будь со мной,
Ты впереди, я за тобой.

Я вообще-то всегда была пуританкой. Мне трудно сразу же проявить свое влечение к мужчине. Видимо, это оттого, что воспитывалась я в большой строгости. Родители уделяли пристальное внимание моей нравственности. Если я приходила домой позже одиннадцати, то отец делал мне внушение и долго выговаривал, но я очень благодарна родителям за такое воспитание. Независимость и смелость женщины – не в моментальной готовности к близости, к интиму, а в умении открыть сердце человеку, не боясь, что он может сделать больно.

С моим первым мужем, Юрием Саульским, я встретилась, придя в ВИО-66. Мне было девятнадцать, ему – тридцать восемь, и он фактически стал моей первой любовью, причем с первого взгляда. Это было огромное чувство, притяжение, страсть.

Мы являлись единомышленниками в творчестве, могли часами обсуждать джаз и чью-то исполнительскую манеру, интересные нюансы и тонкости мастерства. В течение пяти лет наш брак был очень счастливым: я исполняла в джазовом коллективе вокальные партии высокого сопрано, он направлял меня и помогал воспринимать музыку как явление природы. Не случайно, что я окончила два учебных заведения как дирижер-хоровик и на протяжении пяти лет пела джаз.

Мой голос соответствует тембру флейты, что прекрасно сочеталось с другими голосами, а как хормейстер я понимала: пение в ансамбле – это прекрасная школа, возможность почувствовать состояние гармонии. Потом, оставаясь с оркестром один на один, я уже знала, что там, внутри, происходит. Это был важнейший этап моего становления, поэтому для меня те годы в ВИО-66 были учебой, точнее, ее продолжением.

С десяти лет я пела в хоре у младшего брата Дунаевского – Семена Осиповича. Мэтр Исаак Осипович создал коллектив, а позднее его брат стал художественным руководителем. Меня привели туда с песней «То березка, то рябина», и судьба моя была решена. Нас, дунаевцев, очень много. Мы ежегодно собираемся в

зале Чайковского или в ЦДДЖ (Центральный дом детей железнодорожников), при котором был создан коллектив, и поем наши песни.

Мы с Саульским постоянно находились рядом. Выходя за него замуж, я думала, что Юра – тот единственный мужчина, с которым проживу всю жизнь. Но, увы, он увлекся одной актрисой… Упрекать Саульского в его новом увлечении неправильно – это был порыв не только мужской, но и творческий; порыв большого художника, ставившего на первое месте не плоть как таковую, а музыку, которой он служил. Когда я это осознала, мне стало легко и просто.

Мы с Юрой расстались как интеллигентные люди, без дележа имущества, без скандалов. Потом встречались, дружили, я даже была в хороших отношениях с его последующими женами. Трудных отношений после развода у нас и быть не могло – он же из породы Трубецких, дворянин с благородным сердцем…

Я уехала за город, долгое время находилась на природе, лечилась ею, черпала из нее силы и мудрость. Через три долгих месяца после расставания с супругом я очнулась совершенно другим человеком, и моя жизнь, как ни удивительно, переменилась к лучшему.

Мало кому не доводилось сталкиваться с похожими ситуациями на собственном опыте. Я не верю, когда меня пытаются убедить, будто неверность кого-то оставляет безучастным. Ложь! Измена – это всегда боль, иначе и быть не может. В то же время случившееся дисциплинирует, помогает мужественно относиться к жизненным обстоятельствам и к жизни в целом. Безусловно, лучше, если измена происходит не в браке, в противном случае – тяжело вдвойне, особенно нам, женщинам, поскольку мы воспринимаем мужа как человека, раз и навсегда данного свыше, рядом с которым надеемся встретить старость.

Я пришла к простому выводу: женщина не может не учитывать, что мужчина – это существо, полигамно «запрограммированное», и если измена все-таки произошла, то с этим придется считаться. С другой стороны, ничего случайного в мире не бывает… Эта тема вечная, о ней можно долго рассуждать.

У меня есть песня об уходе любимого мужа к другой женщине – чисто женская песня, одна из тех, что помогают нам сопереживать и благодаря которым мы открываем свое сердце. Казалось бы, в ней описывается обычная житейская ситуация, но как справиться с чувством горечи, как пережить, что любимый живет рядом и не замечает тебя? Теперь он любит другую и мыслями с ней, но брошенная жена по-прежнему ждет его вечерами и после полуночи, мысленно говорит ему: «Я буду тебя

ждать всегда, только приходи, потому что ты – мой единственный».

Однажды я познала разочарование и боль, которая стоит за этими словами… «Жизнь для меня – это ты, я буду тебя ждать, потому что для этого родилась на свет, и дождусь, что бы с тобой ни случилось, где бы ты ни был…» Как-то подошла ко мне женщина и призналась: «Ваша песня подсказала нам с мужем, как поступить в сложной ситуации. Мы поняли, что такова наша судьба – все прощать».

Моя бабушка говорила: «Самое главное – это терпение». К человеку, с которым живешь, должна быть еще и жалость. Да-да, именно жалость. Я уверена, что такие понятия, как любовь и жалость, совместимы. Несмотря на кажущуюся противоположность, они тем не менее составляют единое целое. Если ты человека не жалеешь, то не можешь ему сострадать, понимать его всей душой… Чрезвычайно важно в семейной жизни понимать и жалеть близких, любимых, родных людей.

Вообще совместная жизнь с мужчиной – это отказ от собственного эгоизма. Что такое, в сущности, любовь? Любовь – это не когда тебя любят, а когда любишь ты, любишь мужа больше самой себя. Супруг – тот человек, с которым соединяешься и начинаешь жить его проблемами и его жизнью. При этом важно не утратить в браке собственную сущность и целостность.

Моим вторым мужем стал Юрий Папоров, автор книг о Хемингуэе и последних днях Троцкого в Мексике. Мы познакомились в мексиканском посольстве, но не на дипломатическом приеме; на таких приемах я бывала позднее, уже в ином качестве – как жена дипломата.

Случилось так, что однажды в Москве латиноамериканские представительства, где я иногда выступала, решили организовать мой сольный концерт, а в качестве переводчика пригласили Юрия Николаевича, который великолепно знает испанский язык: разговаривает, как истинный дон, и даже видит сны на испанском.

Разумеется, Юрий был прекрасным знатоком своего дела, но, когда он стал переводить песни, возникло некоторое замешательство. Я пела: «Стою на полустаночке в цветастом полушалочке…» – а это непереводимая игра слов. Ну что такое «полушалочек»? Платок, полуплаток, шаль? С «полустаночком» тоже не намного проще…

Увидев Юрия впервые, я была поражена его стилем и изысканной манерой одеваться! Он был изумительно элегантен, потрясающе выглядел в деловых костюмах и никогда не носил

дешевых вещей – только из качественного материала, пошитые высококлассными портными. Если он надевал, скажем, джемпер, то к нему всегда подбирал какой-нибудь стильный шарфик или шейный платок… Без повода галстуков не носил – если только вечером, по особому случаю. Впрочем, не в одежде дело: если человек добился чего-то, достиг внутреннего спокойствия и гармоничен в самой основе своей, то можно надеть все, что угодно, появиться в любом наряде – индивидуальности от этого не убудет.

Узнав Папорова ближе, я не могла не восхититься его интеллектом, серьезностью, обстоятельностью. Меня всегда притягивали мудрые, зрелые мужчины. Юрий был на двадцать три года старше. Тонко мыслящий, одаренный человек с завидной фантазией, автор биографий Маркеса и скульптора Степана Эрьзи, он открыл для меня новый мир.

Также его перу принадлежат замечательная книга о подводной охоте и два романа: «Эль Гуахиро – шахматист» и «Пираты Карибских островов». Дипломат, журналист-международник, член Союза писателей, Юрий многое повидал в жизни, и самые различные таланты были ему дарованы свыше.

Рассказывая о главных мужчинах моей жизни, нельзя не вспомнить, как на протяжении долгих лет молва упорно женила нас с Львом Лещенко, и это было забавно, если не сказать – смешно. Народ, видимо, очень хотел, чтобы соединились Иван да Марья, но мы с Левой всегда отшучивались, когда из зала на эту тему сыпались вопросы. Договорились с ним так: мы, дескать, муж и жена, а наш сын – Полад Бюль-Бюль оглы.

В 1974 г. мы с Папоровым поженились, а через пять лет родился наш сын Николай – мой главный и самый любимый мужчина в жизни. Когда Коленьке было четыре года, Юрия направили в Мексику, в долгосрочную командировку. Я не поехала с ним, приняла трудное решение – остаться. Я не могу без России, без русских людей. Россия – это нечто духовное, глубинное, что зиждется на крестьянских душах и городской интеллигенции, или, как ее еще называли, мещанская. Однако она отнюдь не мещанская, на мой взгляд. Именно эти люди до сих пор воспринимают высокую поэзию, настоящую музыку. Мне приятно осознавать, что там, в глубинке, я нужна. В течение жизни за мной ухаживали многие красивые люди, они предлагали выйти замуж и уехать, но мне и в голову никогда не приходило покинуть свою страну. Скажу откровенно: делать выбор между стабильной семейной жизнью и Россией (то есть людьми, для которых я пою) было очень тягостно.

Сейчас я жалею, что у меня нет дочки-красавицы, которая

была бы рядом и понимала меня. Все-таки мальчика растишь для другой женщины, а девочку – для себя. Очень жалею, что у меня один-единственный ребенок! Я должна была родить еще детей, воспитать их, но тогда не стала бы артисткой. Скорее всего, пришлось бы оставить эстраду и уйти со сцены. Спросите любую актрису, и она скажет, как это нелегко – расставаться с детьми. Я считаю, самое трудное в жизни – совместить дело, предписанное свыше, и время, что должен отдать ребенку. Дар материнства тоже даруется свыше. Я очень много сил тратила и трачу на творчество, и, конечно, сыну часто недоставало меня. Этого ничем не компенсируешь, но, приезжая в отдаленные уголки России, я перестаю чувствовать холод и тревогу, а чувствую теплоту сердец и заботливость простой, доброй души. Для меня в этом – счастье и высший смысл.

В провинции гораздо больше нуждаются в душевной лирической песне, нежели в Москве или в Петербурге. Не судите да не судимы будете, и я никого не берусь осуждать, но мне кажется, что люди больших городов сегодня отдают предпочтение всему блестящему, мерцающему, сияющему, гремящему, но только не внутренней тайной сути, свойственной русской душе, о которой писал еще Достоевский. Я верю, что затаенная красота души есть в каждом, но она глубоко спрятана, и показать ее людям – долгая внутренняя работа по извлечению этой красоты на свет божий. К величайшему сожалению, человеческий потенциал часто остается нераскрытым, так как требует внутренней дисциплины и непрерывного устремления вперед.

Сегодня мир духовно гибнет, он катится в сторону легкого, поверхностного восприятия жизни, культуры и взаимоотношений. Я понимаю, почему так происходит – на его плечи ложатся зачастую трагические события. Мир не может поделить все равными долями, чтобы хватило каждому: отзывчивости, не говоря уже о любви, на всех не поровну.

Глубину восприятия обретаешь только тогда, когда находишься в состоянии горя, в одиночестве, даже в тюремной камере – именно в критических обстоятельствах начинается переоценка ценностей. Если, скажем, богатый человек поистине духовен, то богатство не является основным благом, самым важным в его жизни. К сожалению, не многим (обеспеченным сверх меры) людям это под силу. Вспомните причту о том, как богатый человек обратился к Христу: «Что мне делать, Учитель? Я хочу пойти с тобой». И Христос сказал ему: «Откажись от своего богатства, раздай все нищим, тогда ты пойдешь со мной». Но тот так и не последовал за Христом. Слаб человек, и не так-то просто отказаться от даров золотого тельца; даже внутренне не зависеть

от материальных благ – архисложная задача духовного порядка.

Иногда я воспринимаю чужое чувство как свое, и это даже помогает выбрать ту или иную песню. Например, когда Марк Минков показал мне «Мой милый, если б не было войны», я сразу вспомнила свою бабушку, потерявшую мужа во времена Гражданской войны и воспитавшую троих детей в одиночку; потом вспомнила тетю, бабушкину дочь, которая потеряла мужа в Великой Отечественной войне и воспитала троих сыновей одна; вторую бабушку, мужа которой посадили на восемнадцать лет, и она тоже растила троих детей без чьей-либо помощи и поддержки. Вот такая закономерность. Потом я разговаривала со многими женщинами, со многими людьми, которые прошли похожую судьбу детей врага народа, родственников врага народа. Их еще очень много в нашей стране. Наша семья тоже пережила это горе – мы восемнадцать лет не видели нашего деда, потом он все-таки вышел, и мы имели счастье с ним общаться. Когда соединяешь судьбинно историю своей семьи с другими, похожими историями, то эти песни оказываются очень близки и понятны: «Мой милый, какой бы мы были красивой парой, если б не было войны! Наши общие внуки ходили бы в школу, если бы не было войны…» И понимаешь, что тебе небезразлична эта тема, хотя являешься человеком молодым и сама лично не пережила эти чувства; но являясь, чувствительным человеком, воспринимаешь чужие страдания, сопоставляешь их и умеешь найти общий знаменатель. Так что многие мои песни ассоциативно связаны с народом, с народной судьбой. Например, великолепная актриса Наташа Гундарева играла роли народных героинь, и ей веришь, нельзя не поверить, и она такая, потому что другой быть не может, она вся сплетена из народных корней. Можно быть дворянкой, крестьянкой, кем угодно, но ты должен принадлежать стране и народу, и только тогда можешь быть любим.

У нас, артистов того времени (когда моя жизнь в песне только начиналась), были другие отношения, нежели существуют в сегодняшнем шоу-бизнесе. Между нами вообще не было конкуренции – я не помню, чтобы с кем-то соперничала, сталкивалась или ссорилась. На эстраде были подлинные кумиры, которым соперничество изначально претило: Георг Отс, Лидия Русланова, Клавдия Шульженко, Юрий Гуляев, Марк Бернес, Леонид Утесов… Доброжелательные и простые в лучшем смысле слова «простота», они приняли меня сразу, как только я появилась: «Ты, Валечка, такая хорошая девочка, у тебя все будет хорошо, пой только свой репертуар».

Я никогда не слышала плохих слов и критики в свой адрес –

может, это и было, но мне об этом ничего не известно, да и не хочу знать. Важно, что я не чувствовала двусмысленности, нехорошего подтекста в их словах. Я всегда жила в своем собственном мире, а он очень далек от грязи и интриг. К тому же я убеждена, что у каждого своя дорога. Посмотрите – нас осталось не так уж много: Лещенко, Кобзон, Пьеха, – от силы человек десять. У каждого из нас своя индивидуальность, каждого можно отличить по тембру голоса и по исполнительской манере. Мы никогда друг другу не завидовали. Легкий дух соревнования присутствовал, но зависти не было. Никто из нас не ставил во главу угла внешность, наряды, шоу. Мы переживали за то, чтобы успеть распеться перед выступлением, старались находиться в своей наилучшей форме, радовать публику. Что наиболее ценно в ушедших временах, так это честная работа – под фонограмму-то никто не пел. Все мы страшно волновались перед выходом, берегли голос…

Возвращаясь к вопросу любви, поделюсь мыслью: человеческое сердце способно любить неоднократно, но есть одна страстная любовь, которая обычно приходит в период так называемой молодой зрелости, примерно с двадцати восьми до тридцати пяти лет. Пережить расставание с человеком, вызвавшим к себе такую любовь, – невыносимо тяжело. Остаться с этим человеком, создав семью, – чрезвычайная редкость. Но встретить это чувство – огромное счастье и удача. Любить – само по себе дар, редкий и удивительный, и далеко не всякий им наделен. Я встречала тех, кому богом дано любить. Надо сказать, что их приводят в жизнь других людей некие силы – ангел-хранитель, может быть. Это происходит не случайно: когда сам умеешь отдавать любовь людям, то встречаешь на жизненном пути себе подобных. Тебя уводит от чуждого общества, и оказываешься там, где становишься естественным, где общаешься открыто, можешь говорить то, что думаешь на самом деле, а не то, чего требует общество или злободневные темы.

Сегодня слово «любовь» затаскали, как уличную девку. Между любовью и сексом ставится знак равенства. Повсюду сейчас сплошной секс. Женщина нашего времени не может вызывать в мужчине волнения, о котором писали классики, потому что она полностью открылась, стала доступной; и пока она не закроется, не превратится вновь в кроткое прекрасное создание, обладающее змеиной мудростью и голубиной нежностью, до тех пор мужчина будет ее презирать. На данном этапе я не вижу предвидящихся изменений. Очищение происходит через страдание. Пока женщина и мужчина сильно не пострадают от женской псевдораскрепощенности и эмансипации, пока проблема больных

детей, рождающихся таковыми от разгульного образа жизни женщин, не достигнет критической точки, ситуацию не изменить. Это печалит меня, и закрыть глаза на происходящее нет никакой возможности. Да и как оставаться слепым к глобальным проблемам человечества, отчетливо понимая, что наша планета вовсе не такая огромная, как нам представлялось в детстве!

Я не склонна видеть в женщине властность, жажду командовать. Я уважаю таких женщин – в них есть даже какое-то мужское, мощное начало; но все же мне хотелось бы видеть в женщине мягкость, незащищенность, кротость – так я понимаю женскую сущность. Раньше мы читали о Жорж Санд, властной, пылкой, которая по-мужски держалась в седле, курила длинные трубки, носила брюки, но она была в то время единственной в своем роде. А сейчас – сплошные Жорж Санд. Стало труднее быть женщиной, и в связи с этим изменились мужчины. Сложно обвинить их в отношении к представительницам прекрасного пола как к «своему парню». Женщина нашего времени сделала все возможное, чтобы к ней относились подобным образом.

Случались и в моей жизни настойчивые поклонники, в числе которых были высокопоставленные лица. Звонили, приглашали поужинать, интересовались, когда я буду свободна и уделю время для встречи… На такие предложения я никогда не откликалась – научилась понимать цену комплиментам и знаю, что за ними скрывается. Когда вникаешь в природу вещей, все становится проще, яснее, понятнее… Иногда понятно настолько, что сразу же становится неинтересно. Если умеешь отделять зерна от плевел, подобное уже мало заботит. Литература пониманию многих вещей способствует как нельзя лучше.

К слову, в советскую бытность наша страна считалась самой читающей в мире. Сегодня многие школьники затрудняются дать внятный ответ, кто такой Александр Сергеевич Пушкин и что он написал. Не уверена, что можно рассуждать о прогрессе и достижениях будущего, в то время как новые поколения не знают ни истории своей страны, ни ее литературного наследия.

Мне бы впору родиться в позапрошлом столетии – настолько знакомым кажется XIX век. По сути своей я все-таки оттуда, там мне все близко. Когда я читаю великую прозу или окунаюсь в гениальную поэзию, когда открываю томик Пушкина, Тургенева, Достоевского, то чувствую – я точно оттуда. Сравнение с тургеневской девушкой для меня – наиболее подходящее.

Вообще деревенская жизнь мне мало знакома, поскольку родилась я в городе и всю свою жизнь прожила в многоэтажном доме с горячей водой и с плитой, а не с печкой. Иногда не могу даже камин растопить у себя на даче – теоретически знаю, как это

делается, а практически – нет. Но, видимо, в каждом человеке есть что-то такое генетическое – память, заложенная не в твоем колене и даже не в предыдущем… Ею пронизана атмосфера, в которой живешь, страна, в которой родился, – недаром же говорят: «Где родился, там и сгодился». Как бы там ни было, читая описания русской природы и представляя, как в позапрошлом столетии проводили лето в имениях, в деревне, я чувствую, как меня непреодолимо начинает тянуть в глубинку, к колодцам, полям и пасущимся коровам.

В течение долгого времени Тургенев был моим любимым писателем. Впервые я познакомилась с ним в подростковом возрасте, а к пятнадцати годам прочитала все четыре знаменитых романа: «Отцы и дети», «Дворянское гнездо», «Вешние воды», «Накануне».

Передо мной открылся совершенно иной мир. Я вдруг осознала, что мы – лишь некое продолжение того, что уже было. Это ощущение, кстати говоря, не покидает меня и теперь, ведь линии истории бесконечны. Мне кажется, ошибка отдельных людей и даже целых обществ состоит в том, что они считают сегодняшний день последним: дескать, все в жизни только для них. Но это заблуждение.

Впоследствии я столкнулась с описанной Иваном Сергеевичем проблемой отцов и детей. Пришла к выводу, что конфликт поколений будет всегда, он неизбежен и предопределен самой жизнью. Благодаря Тургеневу я поняла: все, связанное с естеством, с природой, остается навечно, а придуманное человеком, искусственное – преходяще. Словно в калейдоскопе, сменяются цвета, тональности, форма разговора, слова, выражения, одежда, мода, но истинные чувства неизменны. Какие именно? Например, радость по поводу рождения ребенка… любовь, от которой дитя появилось на свет, счастье от его первого крика. Однажды в роддоме я видела, как приходят в наш мир младенцы. На меня надели халат, шапочку – все, что положено… Как раз когда я была беременна Коленькой, мне довелось увидеть множество родов. Затаив дыхание, я наблюдала, как, разрешаясь от этого нежного, но все же тяжкого бремени, женщина дает жизнь новому существу, и ребенок, впервые набрав воздух в легкие, кричит, оттого что вдохнул первый запах жизни. Помню, когда Коленька плакал, я каждый раз начинала рыдать вслед за ним. Не знаю почему, но меня не покидало ощущение значимости всего, что я наблюдала и ощущала, и то состояние мне запомнилось навсегда.

До конца своих дней мы храним вкус первого поцелуя, первой любви, первого признания, первого цветения, первой ссоры и

первого примирения – все это эмоции тонкого свойства, которые никогда человека не покидают. Умело маскируясь, мир вдруг окунает нас в совершенно другие, бытовые вопросы, и мы, в свою очередь, сами учимся скрывать истинные чувства: радости, тревоги – все то, что называется жизнью… Обворовывая таким образом самих себя, мы лишаемся возможности чувствовать себя по-настоящему счастливыми. Хотя… понятие счастья эфемерно.

Счастье нельзя пощупать, нельзя придать ему четкую форму. Счастье вокруг нас, оно – в атмосфере. Например, попадая в круг жестокосердия, злости, ругани, недоброжелательства, становишься глубоко несчастным, хочется бежать от этого сломя голову. Но когда попадаешь в человеческое тепло, уют, атмосферу радушия, то заряжаешься изнутри и в этом находишь счастье, но и оно, к сожалению, не бывает постоянным. Вот ты вышел из этого круга, освещенный счастьем, но, столкнувшись с противоположным поведением, это счастье утрачиваешь – сначала частично, а потом, возможно, и надолго. Но мне кажется, что ощущение счастья человек задает себе сам, и тогда нет потребности в учительстве. Если ты должен изучить предмет, учитель говорит тебе, как это сделать; но у счастья нет таких формул, и ты просто идешь по жизни с ощущением счастья внутри. Ты можешь испытывать это крайне редко, потому что всегда быть счастливым нельзя. Я вспоминаю притчу о царе. Жил-был царь, и заболел он как-то страшной болезнью. Никто не мог помочь ему. Он призывал врачей, мудрецов, но безуспешно. Однажды к нему приехал один мудрец и сказал: «Я знаю, как тебе помочь. Завтра на рассвете оставь свое государство и с одной котомкой иди по миру искать счастливого человека. Найдешь – попроси рубашку с его плеча и выспись в ней». Царь так и сделал. Долго искал он счастливого человека, но так и не нашел. Возвращается опечаленный царь в свое государство и видит пахаря, возделывающего царскую землю. Пахарь поет песни, улыбается. Царь подходит и спрашивает: «Раз с утра поешь песни, должно быть, ты счастлив?» «Да, я счастлив», – отвечает пахарь. «Я так долго тебя искал! – воскликнул царь. – Продай мне свою рубашку!» На что пахарь отвечает: «А у меня ее нет…»

Так что счастье – понятие эфемерное. Формулы не существует, и его нельзя заключить в какие-либо рамки сознания. Это как два сообщающихся сосуда с хорошим и плохим. Вначале хорошее и плохое находятся отдельно, а в какой-то момент смешиваются или вообще меняются местами. Я оптимистка по жизни, всегда жду самого прекрасного и стараюсь не расстраиваться, когда действительность не совпадает с моими думами и чаяниями. Художник Константин Коровин, когда его

попросили назвать самый счастливый день в его жизни, ответил: «Сегодняшний». Я с ним согласна. Жить надо сейчас, сегодня, одним днем, испытывая благодарность за простые радости, доступные каждому человеку: за хорошую погоду, за улыбки друзей…

Часто приходят на ум строки Вероники Тушновой: «Чтобы не было сердце лениво, спесиво,/Чтоб за каждую малость оно говорило спасибо, спасибо, спасибо». Я не сентиментальный человек, но человек, чувствительный к людям. Видеть свой путь, свое назначение – очень важно. Для чего ты пришел в этот мир, кому ты нужен? Для кого ты выйдешь на сцену и будешь петь, играть или читать, писать книгу? Только не для себя.

Гроши не зажимайте в кулаке,
Отдайте в мир.
В раскрытые ладони
Нисходит благодать.
Что по реке пошлешь в истоки, —
В устье то догонит.
Закажешь зло – получишь все
сполна.
Добро само догонит, лучезарясь.
Не нравится? А на кого пенять,
Когда не тот багаж нам дарит
старость?
Но руки плетью я не рушу вниз.
Прими, Господь, мои ладони
в небо,
Помилуй и прости, и дашь нам
днесь
Насущного хотя бы крошку хлеба.

Это стихи удивительной поэтессы и моей близкой приятельницы Карины Филипповой. Я сейчас готовлю музыкально-поэтический спектакль «Как быть счастливой», который состоит из музыкальных новелл и замечательных стихов (премьера состоялась в Московском театре Новая Опера 12 мая 2009 г. – *Прим. сост.*).

Карина Филиппова и ее муж, Борис Диодоров, – люди, близкие мне состоянием души, взглядами на мир и отношением к людям. Борис Аркадьевич – необыкновенный художник, автор иллюстраций к сказкам Ганса Христиана Андерсена, получивший из рук датской принцессы Александры главный приз Международного конкурса Андерсена в Оденсе. Этой высокой

награды удостаиваются один раз в жизни. Я наслаждаюсь общением с удивительной парой, в которой оба супруга наделены детской душой и теплым сердцем; бывая у них дома, не устаю радоваться, что мы слышим и понимаем друг друга, и печалиться, что таких людей не бывает много.

Есть в современном мире те, кто далек от высокой литературы, от поэзии. Мне их искренне жаль: они, будто изгнанники, обделены счастьем парения, и им невдомек, что такое прекрасный слог, точное слово, парадоксальная мысль, железная логика. Книги необходимы, и, хотя сейчас к компьютерам обращаются чаще, чем к книгам, именно литература учит сопоставлять, рассуждать, выстраивать мысль.

В 1984 г. я впервые приехала в Америку, и меня пригласили в Университет Джона Хопкинса в Балтиморе. В то время русский язык и литературу у них преподавал писатель Василий Аксенов, недавно покинувший страну, и у его студентов сложились необычайные взаимоотношения с русским языком. Например, они как-то сказали мне, что в недалеком будущем будет создана специальная компьютерная программа, с помощью которой любой желающий сможет прочитать роман Льва Николаевича Толстого «Война и мир» не в четырех томах, а на четырех страничках. Помню, мне подумалось: «Какие же бедные, несчастные люди те, кому суждено дожить до такого!»

* * *

Мои песни не вызывают эмоции ниже спины; скорее, эмоции на уровне сердца, на уровне головного мозга. Мне очень трудно понять, как – при сегодняшней доступности литературы – стихи Цветаевой и Ахматовой не складываются в песни и мало кому нужны? Покупают детективы, приключения, романтику, бульварную литературу, но не поэзию, не Пушкина, не Толстого. Почему? Потому что дух оскудел и наступила нищета: у людей, при набитых деньгами карманах, обнищал дух. Раньше все обстояло наоборот – Цветаеву или Ахматову было невозможно достать, но люди отличались духовностью, были готовы к восприятию таких стихов. Сейчас о готовности говорить не приходится, большинство о классике не желает даже слышать.

Вот, например, полные смысла стихи современницы Пушкина, Евдокии Ростопчиной, на которые был написан романс, ставший одним из любимых в моем репертуаре:

Вы вспомните меня когда-нибудь…

но поздно!
Когда в своих степях далеко буду я,
Когда надолго мы, навеки будем
розно —
Тогда поймете вы и вспомните меня!
Проехав иногда пред домом опустелым,
Где вас всегда встречал радушный мой привет,
Вы грустно спросите: «Так здесь ее уж
нет?» —
И мимо торопясь, махнув султаном белым,
Вы вспомните меня!..
Вы вспомните меня не раз, – когда
другая
Кокетством хитрым вас коварно
увлечет
И, не любя, в любви вас ложно уверяя,
Тщеславью своему вас в жертву
принесет!
Когда уста ее, на клятвы тороваты,
Обеты льстивые вам станут расточать,
Чтоб скоро бросить вас и нагло
осмеять…
С ней первый сердца цвет утратив
без возврата,
Вы вспомните меня!..
Когда, избави бог! вы встретите иную,
Усердную рабу всех мелочных сует,
С полсердцем лишь в груди,
с полудушой – такую,
Каких их создает себе в угодность свет,
И это существо вас, на беду, полюбит —
С жемчужною серьгой иль с перстнем
наравне,
И вам любви узнать даст горести одне,
И вас, бесстрастная, измучит
и погубит, —
Вы вспомните меня!..
Вы вспомните меня, мечтая одиноко
Под вечер, в сумерки, в таинственной тиши,
И сердце вам шепнет: «Как жаль! она далёко, —
Здесь не с кем разделить ни мысли,
ни души!..»
Когда гостиных мир вам станет пуст и
тесен,

Наскучит вам острить средь модных
львиц и львов,
И жаждать станете незаученных слов,
И чувств невычурных, и томных
женских песен, —
Вы вспомните меня!..

Когда-то я пела баллады на стихи Федерико Гарсии Лорки. Кому они сейчас важны? Смешно об этом говорить, не так ли? Я исполняла песню татарского композитора Алмаза Монасыпова «А любовь-то лебедем» на стихи Лиры Абдуллиной. Кому нужна сейчас эта потрясающая песня, вошедшая в «Песню года»? Никому, хотя в уголке каждого человеческого сердца есть затаенный, невостребованный романтизм. К несчастью, сегодняшние люди слишком вовлечены в политические кровавые события, им приходится бояться каждого дня и проживать день сегодняшний в страхе за день грядущий. Именно этот страх, как мне кажется, не позволяет им слушать хорошую музыку и читать хорошие стихи. Мне бесконечно жаль наше смутное время, которое не дает людям пищи для ума и сердца.

В мире бытует мнение, что одним – деньги, другим – душа. Но в каждом обществе есть класс людей, способных воспринимать прекрасное, и класс тех, кто довольствуется низменным. В данный момент искусство у нас находится на низком уровне полублатной песни. Именно такое положение вещей я называю глухотой души, демонизмом, свойственным нашей эпохе. Вместе с тем среди нас есть люди, служащие высокому началу – не золотому тельцу, а золотому состоянию души.

Я дожила до того дня, когда вся классика умещается буквально на одном диске, но это малоинтересно, поверьте! Такие новшества сродни ледышке, тающей в руках: ты хочешь ощутить ее, приложить к лицу, чтобы почувствовать холод, а она тает и – раз! – ее уже нет. Потому я и не могу принять факт, что сейчас читают не романы, а их краткое изложение. Это ведь равносильно тому, что в музыкальном произведении только начало и конец прослушать, а середину выкинуть и не знать, что там вообще происходит, где кульминация, из каких частей состоит соната и т. д. Как музыкант, я всегда нервничаю, если исполнители позволяют себе купюры; мне невдомек, почему та или иная часть не должна звучать. Я, например, обожала сочинение полностью – и вдруг для упрощения его искромсали; а у нас чего только не сделают для упрощения, для примитива!

Случались в моей жизни необычайные, удивительные

моменты, которые бережет в памяти каждый артист. Никогда не забуду, как после одного из концертов ко мне подошла женщина и сказала, что обязана моей песне жизнью. Оказалось, когда она умирала на больничной койке, ей принесли маленький радиоприемник, по которому она услышала впервые «Я не могу иначе», где были такие строчки: «Ты заболеешь – я приду, боль разведу руками. Все я сумею, все смогу. Сердце мое – не камень».

Доброе слово нужно каждому, а мы иногда не способны произнести его, потому что зажимаемся, становимся жесткими, ироничными, колкими, не замечаем проблем, переживаний ближнего – сосредоточены только на своем состоянии и настроении. Это неправильно, надо уметь оглядываться вокруг, расширять свой диапазон, кругозор – имею в виду не заучивание каких-то математических формул или порядка кнопок, на которые нужно нажать, а умение открыть для других свое сердце. У многих из нас оно закрыто наглухо, но мне, например, справиться с этой проблемой помогает профессия – появляясь на сцене, я и сама живу песней, и даю жизнь другим.

Мне бы очень хотелось всегда пребывать в том состоянии, в котором я нахожусь на сцене; в повседневной жизни хотелось бы. Это состояние полной отрешенности и возвышенности, одухотворенности, которое теряется, когда уходишь со сцены, и которое дает тебе право иногда говорить с людьми возвышенным языком. Ты можешь говорить с ними через песню, через какие-то интересные образы, через музыкальную фразу, проникающую в мир зрителя… Но в жизни исполнитель – всего лишь человек, который переодевается из светского платья цариц в обыкновенные брюки, костюм и перестает себя ощущать возвышенным. После концерта я всегда выхожу на пустую сцену и смотрю в пустой зал, благодарю сцену за то, что она меня сегодня приняла, сделала лучше, чище. Мысленно благодарю людей за то, что они пришли и меня выслушали. Я всегда говорю спасибо. И выхожу из театра.

Чтобы не простужаться и беречь голос, я никогда не ем мороженого, не пью холодной воды и не хожу в очень теплом шарфе, сняв который, недолго простыть. Конечно, по возможности избегаю близких контактов с носителями гриппа. Кроме того, есть средства профилактики, которые я активно употребляю: лимон, мед, чеснок поднимают иммунитет, и организм уже не воспримет инфекцию. Если все-таки простуда навалилась, я все равно стараюсь не принимать таблеток. Можно использовать медовый компресс – обмазать медом пару кусочков ткани, положить их на горло и на грудь и обязательно согреть шарфом. Еще неплохо разогревать и держать в тепле икры ног –

там находятся антипростудные точки; надеваю гетры или высокие шерстяные носки, всегда сплю под теплым одеялом… Даже в вопросах медицины я придерживаюсь собственных взглядов, что хорошо, а что плохо.

Мне периодически поступали предложения «заняться сценическим имиджем», но становится неинтересно, если кто-то руководит мной, пытается корректировать мою суть, подбирать мне гардероб и давать советы, как себя вести. У меня свой внутренний мир и свои принципы, один из которых, кстати, – делать хотя бы одно доброе дело в день.

Много раз именитые мастера шили мне костюмы, которые я отказывалась надевать. Однажды очень хороший модельер сшил совершенно не соответствующее моему стилю, неудобное платье. Случилось это за неделю до концерта. Я предпочла надеть старое, лишь бы не выходить к людям в наряде, будто снятом с чужого плеча. Сценический костюм должен быть удобным и поддерживать мой облик, а не отвлекать от текста и музыки блестящей мишурой и оригинальными изысками. Если платье красивее тебя – не пой, а ходи в нем по подиуму!

Умные, мудрые песни требуют соответствующего отношения к себе. Как, скажем, я могу петь «Стою на полустаночке» или «Я не могу иначе» с оголенными плечами, в декольте?

Существует классика, где широко используются три цвета: красный, белый, черный. Их можно смешивать, но они всегда красивы и по отдельности. На мой взгляд, тяготение к классике говорит всего лишь о постоянстве. В том числе о моем устоявшемся отношении к любимому зрителю, который привык видеть меня именно такой, какой я много лет выхожу к нему петь.

Мое правило – не делать того, что мне несвойственно. Если в повседневной жизни мне по душе какие-то вещи – скажем, бриллиантовое кольцо или норковая шуба, – я никогда не надену их на сцену. Просто потому не надену, что буду плохо себя чувствовать в этом виде. Бриллианты хороши по особому поводу – например, для какого-то званого вечера; но артисту шокировать публику блеском со сцены, демонстрируя людям свои неограниченные финансовые возможности, – неверно и некрасиво. Если артист при этом еще и работает «под фанеру», я воспринимаю это как неуважение к зрителю и бессовестную ложь, начиная с облика такого артиста и заканчивая его нечестной работой. Ходить из одного конца сцены в другой, открывать рот и улыбаться может каждый, но отсутствие затраченных сил говорит лишь о том, что артиста как такового и нет.

Возможно, будь я менее выдержанной и более амбициозной, добилась бы большего. Тем не менее скромность мне в жизни не

помешала ни разу. При наличии интересного, богатого внутреннего мира человек одинаково хорошо чувствует себя и во дворце, и в хижине.

Так уж вышло, что я живу не материальным, а духовным. Это находит отражение и в бытовых вопросах: готовлю крайне редко (хотя с удовольствием), уборкой не занимаюсь, разве что вопросы декора и меблировки решаю сама. Моя мама, Евгения Николаевна, значительно лучше разбирается в ведении хозяйства, в этом смысле она всегда считалась у нас главой дома.

Иногда вдруг появляется настроение изобрести что-то самой в кулинарном плане – приходит народ, надо доставать из холодильника продукты и что-то срочно готовить. У меня получается неплохо, хотя и редко. Во всяком случае, никто пока не жаловался, а мои сырники семья вообще очень любит. Рецептов в памяти не держу, следую интуиции. Кулинарных книг не читаю, делаю все на глазок: тут добавишь, там поперчишь – вот и обед готов. Даже будильник не выставляю, не думаю как-то о времени… А вообще вкус любого блюда зависит от состояния души.

Мой дом функционирует предельно просто и очень утилитарно: есть место, где я сплю, ем, работаю. Мне некогда заниматься дизайном или частым переустройством квартиры в угоду моде. Из каждой зарубежной поездки я привожу сувениры, и они занимают полдома. У меня нет ни одной вазы или картины, купленной по моей инициативе – только подаренные. Рояль и старинная мебель красного дерева, которую я очень люблю, достались мне по наследству. Я мало покупаю, разве что концертные костюмы, обувь, атрибуты для сцены – и не более.

Помню, к выпускному балу почти все девчонки сделали короткие прически, казавшиеся тогда стильными, взрослыми. Я решила от них не отставать. Пришла в парикмахерскую, попросила: «Остригите, пожалуйста, волосы». Мастер потрогала их на вес и спросила: «А мама тебе разрешила?» – «Нет, я уже достаточно взрослая, чтобы никого не спрашивать». – «Вот когда мама придет и скажет мне: «Остригите этой девочке волосы», тогда я все сделаю, а сейчас пошла отсюда!» – и выгнала меня взашей.

Больше я в парикмахерскую не ходила, оставила волосы такими, какие есть. И правильно сделала – раз уж Господь отвел меня от этого неразумного поступка.

Никаких секретов по уходу за волосами у меня нет. Ухаживаю точно так же, как и любая женщина, а специально ничего особенного не делаю. Я считаю, что волосы – это природа, а ее изменить нельзя. Если у тебя хорошие волосы, благодарить надо

гены и маму, папу, бабушку с дедушкой… У нас в семье у всех очень хорошие волосы, которые достались по наследству и мне. Жемчужные бусы в длинной косе – не ловкий рекламный ход, а отражение меня, моих представлений о том, что красиво. Прямо с того дня, когда я впервые вышла на сцену, жемчужные бусы стали неотъемлемой частью моего сценического образа. В 1972 г. я выступала в Колонном зале, и мне сшили для этого концерта красивое платье, расшитое жемчугом. У меня нашлась дома нитка жемчуга. Я вплела ее в косу, «под платье», посмотрела в зеркало – и мне так понравилось, что я решила носить это украшение всегда. Вообще люблю жемчуг и ношу его не только на сцене, но и в повседневной жизни. Он не выглядит кричаще – и в то же время не остается незамеченным, украшая весь облик женщины.

Я отношусь спокойно не только к драгоценностям и нарядам, но и к макияжу; и, если бы не сцена, никогда не стала бы пользоваться декоративной косметикой в повседневной жизни. Человек должен оставаться натуральным, как мне кажется. Не могу понять, зачем все делают омолаживающие операции. Ведь после них в большинстве случаев становишься похожей на куклу Барби. Страшно, когда люди полагают, что всеми этими подтяжками они обманут природу. Ее еще никто не обманывал. А стареть, по-моему, даже приятно.

* * *

Я использую право рассуждать о том, что мне близко, как со сцены, так и в обыденной жизни. Но есть еще степень воспитанности, о которой я всегда помню. Надо обладать чувством такта. Такт – это воспитание, в том числе воспитание души. Например, не перебивать, выслушать и лишь потом высказать собственные соображения может не всякий, хотя, казалось бы, это одно из основных правил ведения беседы. Ты не имеешь права вмешиваться в разговор людей и смущать чужой покой, когда пришел к ним с другим настроем. Такие вещи надо чувствовать, как музыкант чувствует тональность. Не должно быть так, что человек входит с посылом «я пришел, я так хочу и так вижу, посему должно быть именно так», а это нередко случается у некоторых режиссеров. Нужно уметь выслушать мнение сторон, уметь быть дипломатом, но только не лжедипломатом. Даже если это понимание не было получено в детстве, в семье, то жизнь должна это в человеке непременно воспитать.

В жизни человека семья – это все! По крайней мере, лично я в

этом убеждена. У нас, артистов, очень трудная профессия, которая отторгает нас от родных. Мы часто ездим, ночуем в поездах и самолетах, думая в это время о предстоящем концерте или съемке, а не о близких; и когда мы выходим на сцену, то забываем вообще обо всем и обо всех, кроме своих зрителей. Моя семья – обычная, как у всех: мама, муж, сын… Брат Сережа – заслуженный артист России, сейчас имеет свое сольное отделение, часто работает в моих концертах, поет русские старинные романсы и народные песни. Он очень талантливый человек, окончил Гнесинское училище по классу вокала, у него великолепный голос… Кроме того, он прекрасный резчик по дереву, создающий замечательные, просто уникальные работы! Несколько подаренных им работ стоят у меня дома. В каждом сучке, каждой коряге он, как художник, видит фигуру, свое произведение, которое ему интересно воплотить. Также Сережа пишет прекрасные стихи (их набралось уже на целую книгу), посвящает их и мне, и нашей маме, и своей жене, и дочерям – Жене и Соне, которые работают педагогами. Особенно удаются ему стихи о природе: они такие «зримые», что хочется вдохнуть этот запах жухлой осенней листвы, весеннего тающего снега, зажмуриться от летнего солнца… Есть в его стихах что-то есенинское, что мне очень нравится. И вообще я счастлива, что у меня такой талантливый брат!

С сыном Колей мы занимаем абсолютно разные жизненные позиции: он принимает мир таким, каким его предлагают воспринимать, а я – таким, каким вижу мир сама. Я стараюсь благожелательно относиться к молодежи, но мне исключительно жаль молодых. Они очень многого недополучают в плане образования, музыки, хороших книг, театральной жизни. Молодежи часто предлагают суррогаты, а она принимает их за истинное. Со временем, конечно, разберутся, что к чему, но вкус может к тому моменту оказаться непоправимо испорченным. Нам с Колей не удается прийти к общему знаменателю. В этом, наверное, и кроется пресловутая проблема «отцов и детей». Спорим буквально обо всем: об отношении к финансовым вопросам, о понимании искусства. Часто говорим с ним о расширении кругозора… Разумеется, жизнь научит; жаль только, что человек до всего доходит путем проб и собственных ошибок, которые порой слишком дорого обходятся.

Коля окончил Юридическую академию и занимается малым бизнесом. Он успел поработать у меня в театре осветителем. В целом я довольна его жизнью, хотелось бы только внуков увидеть в ближайшем будущем. Но это зависит от его выбора; я же влиять не могу и не считаю это правильным.

Меня нередко спрашивают, дорого ли обходится сохранение индивидуальности, как на сцене, так и в жизни. Я самостоятельный человек, хотя в этом мире очень трудно быть самостоятельным, особенно женщине. Тем не менее я предпочитаю жить так, как хочу, в соответствии с убеждениями и собственным восприятием того, что хорошо, а что плохо. Жить за счет кармана богатого дядюшки – не по моему характеру.

Я слишком принципиальная, не люблю неправды, и, если при мне совершается несправедливость, молчать не стану, а это многим не нравится. В целом характер у меня, фигурально выражаясь, ангельский, со мной действительно очень легко, я со всеми нахожу общий язык; но когда что-то даже не задевает меня, а становится неприятным, вызывает чувство неловкости, то я обязательно скажу об этом вслух. Если честно, я рада, что у меня есть такая черта, потому что нельзя быть беспринципной, невозможно без оглядки соглашаться на все, что предлагает тебе мир. Он зачастую бывает неправедным, и, когда меня подталкивают пойти против собственной совести, согласиться на это я никак не могу. Здесь кроется ответ на многочисленные вопросы, почему я в стороне от шоу-бизнеса. Я стараюсь избегать лицемерия. Нельзя себе лгать, понимаете? Нельзя говорить, что ты в восторге от атмосферы, пронизанной ложью, фальшью, коммерцией, что тебя радуют оголенные тела, суета и нахрап, плохие манеры… Меня часто приглашают в жюри конкурсов, где приходится отбирать молодежь, оценивать пение, и я отчетливо понимаю: истинное искусство наше телевидение не показывает. У нас очень много талантливых парней и девчонок с настоящими голосами, с каким-то прозрением в песне, с умением преподнести зрителю мир музыки и поэзии, с чувством, которого людям так иной раз недостает. Я это вижу на сцене, но, к сожалению, не на телеэкране – там их нет.

Я никогда не пела песен-лозунгов и никогда никому не служила. Я пела человеческие песни для души. Полагаю, надо просто оставаться собой, быть естественной, искренней, честно оценивать свое творчество и никому не завидовать: это факторы, влияющие прежде всего на нас самих, на наше внутреннее, повседневное состояние.

Следует понимать, что можешь петь только эти песни (а кто-то – другие, для него предназначенные), и не браться за всё подряд… Очень важно не думать, что ты гениальная, что ты – звезда. Высоко заноситься не стоит, потому что сияют не популярностью с экрана, а чувствами изнутри. Сиять, отдавать людям свой мир, свои положительные эмоции и стараться взять от них все самое лучшее…

Я пришла к выводу, что, пока мы живем, надо успевать отдавать. Нельзя терять ни минуты. Я стараюсь по максимуму гастролировать по стране, чтобы успеть отдать людям свое сердце через песни. Я остро чувствую, что должна очень многое отдать, и никогда не отказываюсь бесплатно выступать для инвалидов, ветеранов, детей, молодежи, многодетных семей. К деньгам и материальным благам отношусь очень спокойно. Меня даже можно назвать аскетом. Если появляются свободные деньги, я жертвую их церкви или могу купить и подарить кому-нибудь охапку цветов без всякого повода. Мне хочется щедро делиться теми благами, что дарит судьба мне.

А пропасть – тоже высота полета.
Прекрасно вверх и очень страшно вниз.
Порядок чисел четных и нечетных
По-разному отсчитывает жизнь.
Что помогало мне в моих паденьях:
Сопротивленье, компромиссы, деньги?
Всегда спасала божья благодать,
Сознание «отдать, отдать, отдать»,
Всё до конца, до капельки, до края,
Но пропасть! Ой! Я, кажется, взлетаю…

Карина Филиппова

Сейчас я занята подготовкой нового моноспектакля «Я сегодня обеты молчанья нарушу», который состоится зимой (концерт прошел в ЦДРИ 11 февраля 2010 г. – *Прим. сост.*). В него войдут стихотворения Карины Филипповой и одна из моих любимейших песен «Ах, турманы – турмалины, звался сердцем голубиным город Ржев». История хранит удивительные факты: Ржев действительно назывался Голубиным Сердцем несколько веков назад. Только Карина, моя соратница по душе, могла знать такое!

Не устаю удивляться, насколько мне везло в жизни на добрых, одаренных людей. Духовная поэзия Карины Филипповой, ее детская, всему удивляющаяся душа – огромный подарок для меня как для певицы и просто человека. Мы с ней одинаково переживаем за страну, одинаково желаем ей благоденствия, ищем крупицы мудрости в искусстве… Все ее девять поэтических сборников были прочитаны мной от корки до корки, и практически все стихи я люблю и знаю наизусть.

Еще одна прекрасная украинская поэтесса Ангелина Булычева из Львова, которая в свое время написала слова к «Носики-

курносики», доставила мне большую радость своим талантом. Несколько лет после этого шлягера она молчала, и, хотя мы с ней встречались, ей было нечего предложить. Вдруг она написала мне письмо, что приезжает в Москву, и прислала несколько новых стихотворений. Одно из них мне так понравилось, что вскоре обрело вторую жизнь в песне, музыку к которой написала я сама, потому что стихи эти очень глубокие, проникновенные и, что особенно важно, несовременные!

На гастролях ко мне нередко подходят поэты и композиторы, что-то предлагают. Иногда песню, написанную местным автором, уже давно поет весь этот город, и после концерта меня окружает множество людей: «Валя, мы хотим подарить Вам эту песню, пусть ее знают и поют везде, а не только у нас!»

Есть изречение: «Хорош тот человек, который к старости сумел остаться ребенком». Нам очень многое дается в детстве, но мы просто растрачиваем это впустую, переставая быть детьми. Вспомните детство – ведь в нем мы все были гораздо чище, чем в середине жизни. Тем не менее у человека есть еще время, чтобы подумать о том, что будет в конце пути, о том, что он должен прийти к финалу с очищенной душой и светлыми мыслями. Смерть – в некотором смысле продолжение жизни.

Если бы я была богата, то в первую очередь построила бы школу и обучала детей сызмальства науке оставаться чистыми душой. Не светским манерам, не танцам, не искусству красиво одеваться, а прежде всего – быть Человеком.

Возьмите в качестве примера наши богатые дома, огороженные со всех сторон высокими заборами. Я сильно сомневаюсь, что там живет счастье. У меня был знакомый врач, практиковавший частным образом. Он имел пациентов из разных слоев общества, от простых до привилегированных. Как-то он рассказывал об одной семье, жившей всемером в малогабаритной квартире в «хрущевке», о том, как они дружно и хорошо жили, как садились вместе за стол ужинать, обсуждали итоги дня – они все друг о друге знали. Для моего знакомого приход к ним становился отдушиной. Изредка он садился с ними восьмым, ел простую пищу: борщ, картошку (разносолов у них не водилось), и чувствовал себя счастливым. Также посещал он огромный дом в небезызвестном престижном районе столицы, в котором жили только двое – он и она. Он жил на мужской половине, она – на женской. Детей не было, жили они очень богато, могли себе позволить купить абсолютно все, но не чувствовали друг друга, сутками не виделись, были холодны сердцем. Им было скучно. И моему знакомому было холодно в этом трехэтажном, богато обставленном доме, как было бы всякому нормальному человеку,

который ищет тепла. Пока не почувствуешь потребность в тепле человеческой души, в обмене этим теплом – никогда не станешь счастлив.

Я и не думаю оспаривать факт, что финансовое благополучие и комфорт упрощают быт. В нашем веке изобретен ряд технических новшеств, с помощью которых высвобождается время для более важных дел.

Есть вредные занятия, опустошающие меня лично и людей вообще: бессодержательные беседы, которые можно назвать болтовней ни о чем, сплетни, бесполезное времяпрепровождение, пошлость, вульгарность. Важно придерживаться настоящего, истинного, не позволять миру, полному соблазнов и ловушек, заманить тебя в одну из них. Моя формула душевного здоровья – жить так, чтобы душу не расплескать зазря. Хочу прожить отпущенный мне срок с пользой для души. Нет смысла прожигать жизнь впустую. Лучше побыть наедине с собой, сходить в театр, послушать хорошую музыку или прочитать интересную книгу, пообщаться с интересными и близкими людьми, чем коротать драгоценное время за бессмысленными занятиями. Случалось мне сталкиваться с людьми, которые этих простых истин так и не усвоили. Эти люди около хорошего, как правило, надолго не задерживаются. Но появление любого нового человека не случайно, он в чем-то нуждается: в добром ласковом слове, в чашке чая, в дружеском совете или раскрытом сердце. Каждому – свое, и мы не должны отталкивать зашедшего «на огонек», даже если он окажется временным и не самым приятным «гостем».

Для меня самое главное в жизни – остаться человеком, и в этом, безусловно, помогает вера. В каждом присутствует вера. Может быть, не столь важно, как приходишь к вере высокой (о которой не говорят, а которую осмысливают внутренне, созерцая жизнь), но если веришь хотя бы для того, чтобы не потрафить злу, – это уже немало.

Меня упрекают и даже ругают за то, что я соглашаюсь работать бесплатно – ведь сейчас ни один (даже совсем безголосый) певец и пальцем не шевельнет, пока ему не заплатят. Меня часто спрашивают: «Сколько вы стоите?» Я все время удивляюсь этой фразе и не могу, да и не хочу к ней привыкать, и потому неизменно отвечаю: «Нисколько». Тогда люди раздражаются и задают следующий вопрос: «Ладно, тогда сколько стоят ваши песни?» Ну, как могут песни или я сама чего-то стоить? И я сама, и мои песни даны Богом для людей. Цену имеет лишь мой труд. Сама же песня и любой человек – бесценны.

Деньги – это не постоянная величина, которую надо слишком серьезно воспринимать. В мире существует единая денежная

масса, из которой каждому выделена его доля. Не мы распределяем деньги, и не нам думать, что соседское благополучие – несправедливость по отношению к нам, если мы имеем меньше. Нам деньги тоже свыше даются: по мере знаний, затраченных усилий и полученных результатов. Первую половину жизни работаешь, чтобы стать известным, а потом уже имя работает на тебя, и ты даже не думаешь о звонкой монете. Точнее, чем меньше о ней думаешь, тем лучше…

Я не люблю заниматься накопительством, но при этом не могу сказать, что я человек не слишком состоятельный. Я не богата, но могу себе все позволить. Главное – не отказывать себе в самом необходимом: в самой жизни. Надо уметь довольствоваться тем, что имеешь, и не мечтать о вещах, чтобы они не затмили своим значением по-настоящему значимые вещи, которые нельзя купить ни при каких обстоятельствах. Мои близкие – и мама, и муж, и сын – точно так же относятся к этому вопросу и никогда не позволяют себе ничего лишнего. Мама очень экономно ведет наше хозяйство, она в этом хорошо разбирается.

Я люблю спортивную одежду, лиха́чу на машине; у меня, конечно, есть мобильный телефон, стиральная машина и прочие достижения прогресса. Но настоящих удовольствий, данных человеку даром, мне ничто не заменит; и когда представляется возможность, я общаюсь с природой и смотрю на небо, находя в этом несравнимо больше радости, чем в новой покупке.

Потратить солидные суммы на что-нибудь действительно полезное, как строительство храма, помощь малоимущим и обездоленным семьям, – истинное удовольствие. Сознание того, что сделал хорошее дело, помог решить чью-то насущную проблему, выводит тебя на иной уровень. Ну а маленькие суммы требуются для того, чтобы купить новую книгу или, например, подарок другу. Придешь в магазин, и при взгляде на прилавок сразу мелькает мысль: «Ой, у такого-то день рождения – куплю-ка ему вот эту безделушку». Я, например, из Украины не уезжаю без традиционной покупки: из Киева привожу несколько бутылок перцовки в казачьих нарядных бутылках – это потрясающий презент. Приходишь в гости, и все радуются: открываешь, а там в красивой, характерной емкости – национальный напиток. У мужчин просто глаза загораются от восторга…

Мне очень нравится быстро водить машину. Это тоже относится к разряду маленьких каждодневных удовольствий. Долгое время я водила «Жигули», поддерживая таким образом отечественного производителя. Как-то раз пришла в автосалон и увидела маленький внедорожник «Киа Спортейдж»: корейскую

машинку, приятную по внешнему виду и удобную. Сев за руль, я сразу попросила: «Пожалуй, оставьте ее для меня. Мне нужно три месяца, чтобы подумать, куплю я ее или нет».

Машину мне оставили. Я эту «киашку» все-таки приобрела, и с тех пор в российский автомобиль больше не садилась. Когда в 1991 г. ездила на гастроли в Японию, мне подарили праворульную «Тойоту», а ездить с правым рулем я не умею, мне неудобно. Прилетела домой, поняла, что с этой машиной не справлюсь, и подумала: «Зачем переучиваться – лучше отдам». А вот в автобусе, который мне тогда же подарили для театра, мы еще долго всем коллективом ездили на гастроли. Спасибо японцам за нужный и полезный подарок!

Говоря о концертах, надо упомянуть мой внутренний запрет: я дала себе слово не петь там, где жуют во время выступления, где присутствующим нет дела до музыки. Как известно, из каждого правила есть исключения: однажды в День влюбленных, четырнадцатого февраля, меня пригласили в московское казино Golden Palace на Белорусской, где в одном из залов (так называемой театральной гостиной) собиралась другая публика – люди, которые приходят туда не поиграть, а ради встречи с актерами в камерной обстановке. Театральная гостиная – небольшая двухэтажная комнатка. В ней побывали Михаил Ульянов и его коллеги из Вахтанговского театра, артисты Малого театра и МХАТа… Почему-то очередь дошла и до меня – я получила приглашение выступить там вместе с народным любимцем Гафтом. Все началось с презентации его книги, которую он тут же с автографом и роскошным посвящением мне подарил, а затем прозвучали мои песни, после чего последовали вопросы зрителей, на которые мы, Валентин и Валентина, отвечали. Роль ведущего исполнил педагог Щукинского училища Михаил Борисов. Было так интересно, что мы проговорили почти до утра. Я исполняла романсы и даже песни, совершенно немыслимые в моих концертах. Такая получилась душевная встреча, что я подумала: а ведь неплохо иногда для кого-то спеть среди ночи!

* * *

Вопросы человеческой духовности, культуры и морали значат для меня всё. Эти темы можно обсуждать бесконечно, до тех пор, пока они являются определяющими в нашей жизни. Духовная культура включает в себя творчество и созданные при этом духовные ценности: музыку, картины, научные открытия,

религиозные учения. Она сочетает в себе различные виды искусства, науки, религии. Традиции также играют важную роль в жизни каждого человека. Семья, имеющая традиции, пусть даже наипростейшие, гораздо дружнее и крепче семьи, в которой люди ничем не объединены, кроме родства как такового. Именно семья формирует культурные традиции, и они могут накапливаются веками, передаются из поколения в поколение. Прекрасно жить в одном доме с людьми, с которыми имеешь в первую очередь схожие ценности и идеи. К сожалению, это встречается слишком редко – значительно реже, чем хотелось бы.

Проблемой нашего времени я считаю «массовую культуру». Люди перестали замечать, что все вокруг упростилось, стало примитивным. Компьютеризированное общество массового производства и потребления – вот кто мы на сегодняшний день. Меня пугает то, что выливается на людей с помощью радио, телевидения, через современные средства связи, компьютеры. Мне трудно принять мишуру и негатив, которыми пытаются подменить главное – хотя главное человеку следует искать в себе, в природе, но уж точно не во второсортных передачах и плоском юморе, которого стало слишком много.

«Массовую культуру» называют развлекательным искусством, средством от усталости. Но когда ты возвращаешься с работы домой и, чтобы не напрягать мозги, садишься перед экраном, – через какое-то время леность овладевает тобой полностью. Так и произошло со многими, кто перестал читать, ссылаясь на нехватку времени; кто бывает на природе только летом, а все свободное время проводит у компьютера, в Интернете. Личные контакты и чтение книг уходят на второй план.

Массовую культуру еще называют китчем, а китч – от немецкого слова, означающего «халтура». Жаль, что люди стали считать нормой то, что ею не является. Тревожно думать, к чему это приведет в ближайшие десять-двадцать лет.

Последнее время представление о культуре, о том, «что такое хорошо и что такое плохо», большинство людей – и особенно молодежь – получают с компьютерных мониторов и телевизионных экранов. Наверное, мир не может находиться в одном и том же состоянии, но компьютерное мышление не кажется мне лучше того, что было до начала XX века, пока природу не вытеснила глобальная застройка. Говорят, будущее принадлежит высоким технологиям, но я не хотела бы жить в автоматизированном мире роботов.

Так получается, что блага цивилизации делают нас нищими духом. Скоро люди совсем перестанут общаться, и уже сейчас общение сведено к минимуму. Но ведь только в результате

диалога создаются общечеловеческие культурные ценности, важнейшими из которых являются нравственные нормы, и в первую очередь такие, как гуманизм, милосердие, взаимопомощь. Я оцениваю ситуацию, сложившуюся в России, как катастрофическую.

Разве можно не заметить упадок морали, ожесточенность, рост преступности и насилия, общую бездуховность? Некультурный человек равнодушен к творчеству, а некультурный врач, например, безразличен к страданиям не только пациентов, но и окружающих в целом… Такие люди могут «с чистой совестью» построить пивной ларек на месте храма, нецензурно браниться при детях…

Наш родной язык – точнее, то, что с ним сейчас происходит – еще одна беда, о которой я не могу не вспомнить. На сегодняшний день русский язык имеет мало общего с литературным. Уже не используются в повседневной речи пословицы и поговорки; в моду вошли иностранные заимствованные слова и блатные словечки, а мат можно услышать как в общественном транспорте, так и на улице в любое время дня и ночи.

Я вижу угрозу наследию, накопленному веками: утрачиваются народные традиции ремесел, гибнут памятники старины, архивы и книги. Какое образование получат новые поколения в России? Как будут воспринимать красоту мира, если общество, в котором они растут и которое видят каждый день, не развивается, а духовно деградирует? Не представляю, как выйти из тупиковой ситуации; ведь переустройство общества должно начинаться со школьной скамьи, а лучше – с детсада. Интеллектуальный потенциал человека связан с той культурой, на которой он строит свою жизнь и которая проникла в его внутренний мир. Что же проникнет туда, если общество находится последние четверть века в глубоком культурном кризисе? У многих сейчас «на душе плохо» – это признак отсутствия гармонии как внутри, так и во внешнем мире. Задумавшись и поразмыслив, можно определить, *что* именно идет не так, как надо.

Человек с высокоразвитой духовной жизнью несет духовность как стремление к высоте своих идеалов, определяющих всю его деятельность в течение жизни. Душевность, дружелюбие в отношениях между людьми – показатели духовности. Основой духовной жизни является сознание, благодаря которому человек осмысливает, понимает мир и собственное место в этом мире, формирует свою деятельность. Но духовность – это не только сознание, но еще и практика, то есть поступки, которые мы

совершаем день за днем. Если человек испытывает скуку, апатию, это значит, что в его жизни отсутствует духовный смысл и цели; он не пришел к пониманию своих задач. Я думаю, поиски смысла направляет совесть.

Через размышление и созерцание человек может достичь истины, найти правильный путь к спасению и, живя по совести, прийти к подобию совершенства. Верить или не верить в Бога, соблюдать религиозные обряды или нет – это личное дело каждого. Прежде всего должно быть уважение к другим людям, даже если они по-иному верят в Бога, или верят в другого Бога, или не верят вообще. При любых обстоятельствах оставаться самим собой, даже в исключительных ситуациях, человек может лишь тогда, когда он сформировался как личность, готов нести ответственность за свой выбор и умеет противостоять отрицательному влиянию. Вера решает проблему выбора собственной жизненной позиции.

Опыт предыдущих поколений и вся история человечества воплощены в созданных культурных ценностях. Соприкасаясь с ними, обогащаешь духовный мир своей личности, способствуешь ее нравственному, интеллектуальному и психическому развитию.

Свободно и непринужденно чувствует себя в современной культуре тот, кто с малых лет учится ориентироваться в ней, избирать для себя ценности, соответствующие личным способностям и склонностям и не противоречащие правилам человеческого общежития. Каждый человек располагает громадным потенциалом к восприятию культурных ценностей и развитию собственных способностей. Способность к саморазвитию и самосовершенствованию – принципиальное отличие человека от всех других живых существ. Чем более развит человек, чем выше его культура, тем богаче его духовная жизнь.

Я часто повторяю, что духовный мир не может существовать без эмоций, без открытого сердца – ведь человек не робот, обрабатывающий информацию, а личность, в которой нередко бушуют страсти, исключительные по силе и длительности. Страсти могут толкнуть как на преступления, так и на величайшие подвиги во имя счастья людей – все зависит от сознания. Человек должен уметь управлять своими чувствами, а для этого необходима воля; она устремляет личность к достижению цели, к выполнению предназначения…

* * *

Чего мне не хватало в жизни, так это деловых качеств. Сегодня многие творческие люди занимаются бизнесом, и я рада за них, но они, ко всему прочему, имеют еще и коммерческий талант. Я же больше романтик. Однажды ехала в поезде на гастроли и неожиданно задумалась: а чем еще, кроме музыки, я хотела бы и могла заниматься? Сейчас время такое, что каждый может изменить профессию, и возможностей для этого предостаточно. С удовольствием преподавала бы, если бы было кому. Мне часто доводится общаться с молодежью; я бываю председателем жюри различных музыкальных конкурсов, но те песни, которые сейчас поет новое поколение, меня не трогают. Если бы можно было найти «созвучных» моей душе и моему творчеству талантливых исполнителей, то я с удовольствием помогла бы им. Я прожила довольно долгую жизнь, и мне есть что сказать начинающим артистам, о чем поспорить и что обсудить. Не уверена, что у меня будет такая возможность: времени катастрофически не хватает, да и потенциальных студентов вряд ли наберется на курс. Говорю так не из пессимизма или неверия в современную молодежь, а исключительно из реальных соображений и той жизни, которую я наблюдаю.

Настоящий артист, певец не должен любоваться собственным голосом и собой – мол, как прекрасно я сегодня звучал! Гораздо полезнее находить в исполнении отрицательные моменты, ставить перед собой трудные задачи, бросать вызов самому себе. Только тогда, выполнив эти задачи, испытав в процессе работы моменты отчаяния, можно удивленно подумать про себя: неужели я справился? я справился! и в дальнейшем могу делать свое дело свободно. Я верю, что именно в этом заключается работа над собой.

Существует важнейшее правило для любого, кто ощущает себя артистом: быть наполненным чувствами, отчетливо понимать, что будешь делать, что станешь говорить людям, как лучше с ними общаться со сцены.

Красоваться перед публикой – последнее дело. Нужно ли им твое искусство? Если душа наполнена, если умеешь сохранять естественность – успех гарантированно придет, и ты будешь услышан. Я счастлива, что я – певица души.

Сейчас читаю воспоминания о Елизавете Федоровне, которая была Эллой, пришла к нам из немцев и приехала в Россию за князем Сергеем, в итоге убитым большевиками. Будучи католичкой, она приняла веру этой страны, то есть православие; приняла русский образ жизни – и все благодаря любви.

Когда любишь людей – они любят тебя в ответ. Всё рождается и проистекает из любви, абсолютно всё.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Готовясь к созданию книги об ушедшем из жизни большом артисте, каждый автор-составитель задумался бы: имеет ли он моральное право добавить что-то от себя лично, поделиться собственным видением человека, не являясь ему ни другом, ни коллегой; даст ли это читателю дополнительный ключик к пониманию его индивидуальности? Если бы не предыстория нашего знакомства с Валентиной Васильевной, я бы совершенно точно не решилась написать послесловие.

Летом 1992 г., отдыхая в д/о «Валдай», я познакомилась с рослым белобрысым мальчишкой – Колей Папоровым, сыном Валентины Толкуновой. Вопреки обыкновению, подростков нашего возраста в том сезоне практически не было, и мы много времени проводили вдвоем, гуляя и болтая, о чем придется. Ближе к концу отдыха к нам присоединилась вновь прибывшая молодежь, и компания стала многочисленной. По возвращении в Москву мы встретились и все вместе отправились бродить по центру города. Коля гостеприимно предложил зайти к нему домой перекусить, так как все мы изрядно проголодались на воздухе. Разумеется, его идея нашла живой отклик, и мы без предупреждения ввалились шумной оравой в квартиру на Чистых прудах.

Встретила нас Валентина Васильевна, с ласковой улыбкой на лице, не выражавшем ни малейшего удивления количеству непрошеных визитеров. У плиты священнодействовала Евгения Николаевна: из кухни доносился многообещающий запах свежеприготовленного домашнего обеда. Буквально через пять минут Валентина Васильевна внесла в Колину комнату поднос с горячими индюшачьими котлетами и мягким белым хлебом. Говорю, положа руку на сердце, – таких котлет я не ела ни разу: ни до, ни после. Сочные, мягкие, как пух, они мгновенно таяли во рту, и, если бы не правила этикета, каждый из нас съел бы всю эту гору в одиночку.

Семнадцать лет спустя, будучи уже сотрудником издательства, я узнала от арт-директора и моего давнего друга, поэта Валерия Краснопольского, что ему удалось получить согласие Толкуновой на публикацию биографической книги. Ранее Валентина Васильевна неоднократно получала предложения написать о себе, но ни разу не ответила положительно. И вот, каким-то удивительным образом, Краснопольский ее уговорил.

Первая наша встреча состоялась в начале апреля 2009 г., в

тихой, просторной квартире на Цветном бульваре, которую Валентина Васильевна именовала своей студией. Мне запомнился ее глубокий, прямой взгляд в глаза, который, насколько я могу судить, давал ей безошибочное понимание того, кто перед ней. Чувствовать людей она умела с первой секунды.

Прямо с порога я поведала Толкуновой о валдайском знакомстве с Колей и легендарных котлетах. Она рассмеялась: «Секрет маминых котлет в том, что она смешивает пополам индюшачий и кроличий фарш и добавляет сливочное масло, оттого они и получаются сочными и мягкими». Когда я прибавила, что не имею отношения к журналистике, мне был выдан некий кредит доверия, что, учитывая закрытость Толкуновой, равноценно большой удаче.

Я вошла в зал и осмотрелась: повсюду стояли иконы и книги. «Хотите чаю или кофе?» – поинтересовалась она и предложила выбрать место для беседы. Конечно же, я выбрала кухню. Наиболее комфортной территории для обстоятельного разговора не найти. Практически сразу мы заговорили о поэзии, об изъянах XXI века, о ролях женщины и мужчины в отношениях. Валентина Васильевна только вернулась с гастролей и через день собиралась в очередную поездку. За ее спокойствием и плавной речью чувствовалась усталость. Мы как раз перешли к вопросу о том, как выматывает и опустошает город, как не хватает живой природы жителю «каменного мешка». Я спросила: «У Вас не возникает желания вырваться из плотного гастрольного графика и уехать за город на пару месяцев, чтобы основательно отдохнуть?» Глаза Толкуновой заулыбались: «А я уеду в обозримом будущем. У меня есть близкий друг, с которым мы вместе планируем ближайший отпуск». Говоря это, она светилась изнутри радостью. «Кстати, Анечка, нет ли у Вас, случаем, загородного дома, который Вы намереваетесь продать? Я бы купила, а заниматься целенаправленным поиском нет времени».

Много позднее, вспоминая ее слова и лучистый взгляд, я поразилась тому, как смело планировала будущее, зная о своем смертельном недуге, эта удивительная женщина.

Вера, по словам Евангелия, есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом…

Общеизвестно, что глубоко верующие люди (вне зависимости от вероисповедания) совпадают в отношении к главным вопросам, решить которые рано или поздно предстоит каждому. Не осуждать окружающих, протягивать руку помощи нуждающимся в ней, брать на себя ответственность не только за свои поступки, но и за мысли, и нести в мир любовь – основы зрелого, осознанного понимания земной жизни, приведенные в

действие. Валентина Васильевна знала об этом не понаслышке. Она обладала философским складом ума, имела склонность к аскетическому образу жизни и, если бы способ ее самовыражения не был априори связан с публичностью, вполне могла избрать служение Всевышнему в тихой обители, вдали от городов и мирской суеты. Недаром посещение святых мест, храмов и монастырей давно стало ее жизненной необходимостью, панацеей от неправедности и ложных ценностей мегаполиса.

Когда о Валентине Толкуновой отзываются как о человеке одиноком, нужно учитывать, что каждый, кто склонен к созерцанию жизни и независим от материальных благ, находится в несколько ином измерении и будет всегда восприниматься окружающими как одинокий, вне зависимости от наличия семьи и близких. На том уровне духовного развития, какого достигла Валентина Васильевна, понятие одиночества теряет привычный смысл и не работает как критерий оценки ее индивидуальности.

Безусловно, в Толкуновой чувствовалась определенная отстраненность, явственно ощутимая в тихой, домашней обстановке, равно как чувствовалось и печальное сердце, но эта печаль не имела ничего общего с унынием, а, скорее, отражала глубинное понимание красоты и – одновременно – несовершенства мира. Ей, умевшей видеть вещи в самой их сути, было сложно абстрагироваться от человеческих страданий и наслаждаться благоустроенным бытом – этим также объяснялась ее глубоко спрятанная сердечная грусть. Она относилась к людям, которые отдают в мир значительно больше, чем получают.

О состоянии здоровья Толкуновой мне, как и всем остальным, ничего не было известно. Сложно переоценить ее мужество и силу духа: жить долгие годы со знанием, что каждый день может стать последним, – совсем не то же самое, что помнить об этом в теории, будучи здоровым.

Ей было сложно находить время для встреч из-за чрезвычайно загруженного графика гастролей. Мы еженедельно созванивались, но случалось, что я по два месяца ждала следующей беседы. Только потом стало понятно, каких усилий ей стоило уделять мне полтора часа, жертвуя и без того редкой возможностью отдохнуть в тишине.

Я не преследую цели идеализировать Валентину Васильевну, но могу лишь подтвердить слова людей, шедших с ней по жизни бок о бок: она была хорошим, порядочным человеком, несущим миру добро как со сцены, так и вне ее.

Светлая Вам память, Валентина Толкунова!

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Вехи жизни

Валентина Васильевна Толкунова родилась 12 июля 1946 г. в Армавире, в годовалом возрасте переехала в Москву.

Школьное образование получила в Ховрино – Железнодорожном районе Москвы. Прошла по конкурсу в ансамбль Центрального дома детей железнодорожников под управлением С.О. Дунаевского, где десять лет пела в хоре под началом прекрасного музыканта Т.Н. Овчинниковой – первого педагога по музыке.

В 1964 г. поступила на дирижерско-хоровое отделение в Московский государственный институт культуры.

В 1966 г. пришла в ВИО-66 (вокально-инструментальный оркестр под управлением Ю.С. Саульского), где работала 5 лет солисткой-вокалисткой и пела джазовую музыку.

В 1971 г. окончила музыкальное училище им. Гнесиных.

В 1971 г. в телефильме «День за днем» озвучила песни композитора И. Катаева на стихи М. Анчарова. Они быстро стали популярными, и певица начала активно работать с Э. Колмановским, М. Таривердиевым, П. Аедоницким, Е. Жарковским, М. Минковым, В. Успенским, Е. Птичкиным, Л. Лядовой и другими известными композиторами.

В 1972 г. по приглашению Л.И. Ошанина успешно выступила на сцене Колонного зала в его юбилейном концерте. Валентину Васильевну стали постоянно приглашать на телевидение и радио.

Исполнила более 300 песен в музыкальных фильмах и театральных спектаклях.

23 раза становилась лауреатом телевизионного конкурса «Песня года». Певицей выпущены десятки грампластинок и компакт-дисков.

В 1989 г. на базе Москонцерта, где Толкунова работала с 1973 г., создала Творческое объединение «АРТ», театр музыкальной драмы и песни, художественным руководителем которого стала.

Постановки и программы: опера «Русские женщины» на стихи Некрасова, Пушкина и Кольцова; спектакли «Ожидание» (музыка В. Успенского на стихи Р. Рождественского) и «Брызги шампанского»; музыкальные песенные спектакли «Я не могу иначе», «Не оставляй меня, любовь», «Я росинка твоя, россиянка», «Новая весна В. Толкуновой». Все спектакли были поставлены на

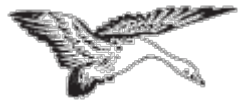
сцене Концертного зала «Россия».

Звания и награды: заслуженная (1975) и народная артистка России (1987), заслуженная артистка Калмыкии (1975), лауреат премий Ленинского комсомола (1980) и МВД России (1995), почетный железнодорожник России (1996), заслуженный энергетик России (1997), почетный артековец, почетный БАМовец, почетный пограничник. Награждена орденом Дружбы народов (1996), почетным знаком ФАПСИ (1997), медалью в честь «850-летия Москвы» (1997), почетными грамотами правительств Эстонии, Казахстана, Туркменистана, Украины, Калмыкии, Кабардино-Балкарии.

В 2010 г. по предложению Олега Нестерова записала фрагмент песни «Белка и Стрелка».

Валентина Васильевна Толкунова скончалась 22 марта 2010 г., на шестьдесят четвертом году жизни. Похоронена на Троекуровском кладбище в Москве.

ПЕСНИ



Песни

А годы летят
(М. Фрадкин – Е. Долматовский)

А мне б сейчас по окружной
(В. Попов – К. Филиппова)

А почему ушла любовь?
(Л. Андреева)

А почему так ветер лют?
(И. Кантюков – В. Фетисов)

А так хотелось главное сказать
(С. Ковальский)

А я вижу
(А. Островский – Л. Ошанин)

Алешка без отца
(Р. Майоров – М. Рябинин)

Ах
(П. Аедоницкий – Ф. Лаубе)

Ах, любовь моя, неудачница
(А. Морьян – Н. Емельянова)

Ах, сирень-сиренюшка
(В. Попов – В. Попов, Н. Попова)

Бабушка
(Б. Терентьев – Н. Доризо)

Бабья осень
(М. Маковский – Л. Кретов)

Байкальский ветер
(Н. Богословский – М. Матусовский)

Белая земля
(П. Аедоницкий – Ю. Визбор)
с Эдуардом Хилем

Белый лебедь
(Г. Пономаренко – С. Красиков)

Березовый вечер
(С. Туликов – М. Пляцковский)

Буратино
(К. Акимов – К. Филиппова)

В городе Ноябрьске
(О. Фельцман – Б. Дубровин)

В единственной вазе
(Д. Ашкенази – О. Фокина)

В порту
(М. Минков – С. Козлов)
с Олегом Анофриевым

В этой деревне огни не погашены
(Е. Щекалев – Н. Рубцов)

Вальс на всю жизнь
(Е. Щекалев – Г. Георгиев)

Вальс на Голгофу
(О. Иванов – К. Филиппова)

Вальс влюбленных
(Л. Лядова – П. Градов)
со Львом Лещенко

Ваня

(А. Пахмутова – Н. Добронравов)

Вальс невесты
(Р. Майоров – С. Гершанова)

Весенние страдания
(Е. Стихин – Г. Поженян)

Ветка рябины
(А. Пахмутова – Н. Добронравов)

Во всем мне хочется дойти…
(Б. Власов – Б. Пастернак)

Вокализ
(П. Аедоницкий)

Вокализ
(К. Молчанов)

Воспоминание
(В. Мигуля – Л. Рубальская)

Воспоминание о былом
(В. Мигуля – М. Геттуев)

Всегда смотреть бывает грустно
(В. Попов – Ю. Щелоков, В. Попов)

Все до свадьбы заживет
(С. Туликов – М. Пляцковский)

Все это было не со мной
(А. Морозов – М. Рябинин)

Вторая молодость
(А. Морозов – М. Рябинин)

Вчерашняя печаль
(Е. Щекалев – А. Поперечный)

Вы вспомните меня
(Е. Крылатов – Е. Растопчина)

Вы помните
(В. Успенский – Л. Смоленская)

Где ты, гармонь певучая
(М. Минков – В. Харитонов)

Где ты раньше был
(Э. Колмановский – Е. Долматовский)

Голос сердца
(В. Дмитриев – М. Рябинин)
с Иосифом Кобзоном и Эдуардом Хилем

Город Зубцов

Город спит
(А. Островский – Л. Ошанин)
(фрагмент)

Город юности моей
(С. Туликов – М. Пляцковский)

Горький мед
(В. Попов)

Давнее
(Б. Емельянов – Д. Кедрин)

Два друга
(С. Германов – В. Гусев)

Девочка и дождь
(Е. Щекалев – Е. Наумова)

Девочка с мальчиком
(Ю. Саульский – Б. Дубровин)

Дети Ленинграда

Детство ушло вдаль
(А. Островский – Л. Ошанин)

Диалог у новогодней елки
(Э. Колмановский – Ю. Левитанский)

с Леонидом Серебренниковым

Добрая примета
(М. Фрадкин – Е. Долматовский)
со Львом Лещенко

Домик в деревне

Домик на окраине
(В. Мигуля – А. Поперечный)

Домой, домой
(О. Фельцман – Б. Дубровин)
с Леонидом Серебренниковым

Дорогая редакция
(Г. Долотказин – Б. Ларин)

Дочери
(В. Пипекин – В. Лопушной)

Друг
(О. Фельцман – Р. Рождественский)

Если в мире есть любовь
(М. Магомаев – Р. Рождественский)
с Муслимом Магомаевым

Жалейка
(П. Аедоницкий – И. Романовский)

Женское сердце
(В. Семенов – А. Поперечный)

Женщина
(Л. Лядова – В. Лазарев)

Желтая рябина
(В. Гамалия – М. Поперечный)

За окошком света мало
(Э. Колмановский – К. Ваншенкин)

За что же счастье мне такое

(О. Фельцман – М. Танич)

Замкнутый круг
(В. Высоцкий – И. Шварц)

Замужняя
(А. Колца – А. Гольцева)

Запоздалая песня
(И. Королев – Л. Кретов)

Зачем меня окликнул ты
(А. Пахмутова – Л. Ошанин)

Звук шагов
(И. Катаев – М. Анчаров)

Здравствуй, сынок
(О. Фельцман – М. Рябинин)

Зелена трава
(В. Дружинин – Г. Георгиев)

Земля моя
(В. Гамалия – А. Тесарова)

Зимняя Москва
(Р. Майоров – Л. Иванова)

И в шутку и всерьез
(Е. Щекалев – В. Костров)
с Леонидом Серебренниковым

И посыпалось
(В. Попов – К. Филиппова)

Иволга
(А. Мажуков – О. Гаджикасимов)

Из трех дорог
(Н. Богословский – М. Танич)

Идет ребенок по земле
(Е. Птичкин – И. Тарба / Е. Николаевская)

Июльские грозы
(Л. Лядова – Т. Пономарева)

Кабы не было зимы
(Е. Крылатов – Э. Успенский)

Как по морю синему
(народная)

Как тебе служится
(Я. Френкель – М. Танич)

Кап-кап
(И. Катаев – М. Анчаров)

Капля счастья
(Ю. Чичков – В. Каратаев)
с Леонидом Серебренниковым

Колыбельная
(А. Градский – Н. Кончаловская)

Колыбельная
(М. Кажлаев – Б. Дубровин)

Косынка
(В. Ветров – О. Фокина)

Кружится лист
(Н. Богословский – И. Шаферан)

Кто в любовь по-прежнему верит
(С. Ковальский)

Кто в любовь по-прежнему верит
(С. Ковальский) со Львом Лещенко

Куда бегут года
(П. Аедоницкий – Л. Завальнюк)

Лодочка
(Т. Хренников – М. Матусовский)

Лунной тропой
(А. Островский – Г. Регистан)

Люблю русскую березу
(В. Газарян – А. Прокофьев)

Любо мне
(М. Кажлаев – В. Портнов)

Любовь прошла
(А. Мажуков – А. Дементьев)

Любовь, счастливой будь
(Н. Богословский – Р. Рождественский)

Мама моя
(Е. Щекалев – Г. Георгиев)

Маменька
(Э. Рабкин – Н. Палькин)

Математик
(Н. Богословский – М. Танич)

Мой город Горький
(П. Аедоницкий – Ю. Визбор)
с Иосифом Кобзоном

Мой первый класс
(В. Зуев – Т. Кузовлева)

Мой придуманный мужчина
(В. Попов)

Мой Сочи
(В. Шеповалов – В. Гин)

Морская невеста
(Е. Жарковский – В. Лазарев)

Моряк черноморского флота
(А. Лукьянов – С. Соколкин)

Моя подруга – моя Москва

(В. Толкунова – Г. Георгиев)

Музыка
(И. Крутой – К. Кулиев / Н. Гребнев)

Музыка прожитых лет
(М. Минков – Ю. Рыбчинский)

Мы навек любовью ранены
(Е. Семенова – А. Дементьев)

На пристани
(А. Мажуков – В. Кузнецов)

На чужбине
(Н. Богословский – С. Островой)

Нагрянули
(Е. Щекалев – Н. Рубцов)

Над рекою туман
(Ю. Саульский – Л. Завальнюк)

Наступил час ночной
(И. Брамс – Г. Шерер / А. Машистов)

Настя
(Н. Богословский – К. Ваншенкин)

Не бывает любви без разлук
(Ю. Чичков – М. Пляцковский)

Не говорите мне о нем
(А. Морозов – В. Гин)

Не довелось
(А. Морозов – М. Рябинин)

Не зря мне люди говорили
(С. Туликов – М. Пляцковский)

Не могла я
(М. Камилов – Э. Шим)

Немое кино
(Н. Богословский – М. Пляцковский)

Ничего не кончается
(А. Изотов – С. Гершанова)
с Евгением Курбаковым

Ничего тебе не скажу

Ночной звонок
(В. Газарян – Г. Георгиев)
со Львом Лещенко

Обыкновенный человек

Одинокая гармонь
(Б. Мокроусов – М. Исаковский)

Одинокие женщины
(А. Ктитарев – К. Филиппова)

Одиночество вдвоем
(В. Попов)

Озеро
(Р. Паулс – Л. Ошанин)

Отгрохотала та война

Отцы, не оставляйте сыновей
(В. Трофимов – А. Дементьев)

Офицерская честь

Офицерские жены
(В. Газарян – Г. Георгиев)

Ох, ты неверный
(Я. Дубравин – В. Гин)

Очередь за счастьем
(Е. Птичкин – М. Пляцковский)

Паутиночка

(Л. Лядова – М. Танич)

Перезрелая рябина
(В. Орловецкий – В. Дзюба)

Переносы
(С. Томин – А. Кленов)

Песенка молодых соседей
(А. Островский – Н. Доризо)
с Федором Чеханковым

Песня ангелу-Хранителю

Песня Исидоры
(Н. Богословский – А. Богословский)

Песня о волшебной стране
(Е. Адлер – Л. Дымова)

Песня о женщинах
(Н. Иванова – А. Кронгауз)

Песня о родном крае
(Е. Крылатов – Л. Дербенев)

Песня о счастье
(В. Рубашевский – В. Шленский)

Песня об одиноком друге
(Н. Богословский – Н. Доризо)

Печали свет
(А. Малинин – Л. Рубальская)

Пестрая косыночка
(В. Цветаев – В. Попов)

Письмо себе
(Е. Филиппов – М. Рябинин)

Подумаешь
(К. Акимов – К. Филиппова)

Пойми меня
(Н. Богословский – И. Кохановский)

Поляна света
(А. Стальмаков – В. Степанов)
с Евгением Курбаковым

Полюбил богатый бедную
(М. Минков – М. Цветаева)

По-над Суджею-рекою
(Е. Жарковский – И. Сельвинский)

Поставь мне старую пластинку
(В. Попов)

Приглашаю тебя
(С. Туликов – М. Пляцковский)

Признание
(А. Колца – А. Гольцева)

Признание в любви
(С. Туликов – М. Танич)

Прости, лес
(В. Вовченко – Г. Георгиев)

Прости меня, Россия
(В. Вовченко – Г. Георгиев)

Прощайте, голуби
(М. Фрадкин – М. Матусовский)
с БДХ

Прощайте, голуби
(М. Фрадкин – М. Матусовский)
с Олегом Ухналевым

Прощальная
(Е. Щекалев – Н. Тряпкин)

Пушинка белая
(А. Бабаджанян – А. Вознесенский)

Расскажи мне, поле
(В. Пикуль – В. Кузнецов)

Река любви
(М. Шувалов – И. Кашежева)

Речка Орь
(В. Сапрыкин – Г. Поженян)

Реченька туманная
(Э. Ханок – А. Поперечный)

Родители наши
(О. Фельцман – Ю. Гарин)

Родные колосочки
(В. Ветров – О. Фокина)

Россия
(М. Болотный – Р. Казакова)

Россия – Родина моя
(В. Мурадели – В. Харитонов)

Россиянка
(А. Пахмутова – Н. Добронравов)

Рубили дерево
(В. Патрушев, О. Дынов – Л. Овсянникова)

Русская деревня
(С. Касторский – Е. Шантгай)

Русская душа
(А. Кузнецов)

Самолеты и соловьи
(А. Мажуков – Л. Ошанин)

Светлячок
(груз. народная – А. Церетели / Н. Грунин)

Свирель да рожок

(Ю. Чичков – П. Синявский)
с Леонидом Серебренниковым

Сероглазый король
(А. Вертинский – А. Ахматова)

Сестричка
(М. Фрадкин – И. Шаферан)

Скажите, лебеди
(В. Левашов – М. Андронов)

Сказки гуляют по свету
(Е. Птичкин – М. Пляцковский)

Слово «нет»
(В. Попов – К. Филиппова)

Смуглянка
(А. Новиков – Я. Шведов)

Снова мамин голос слышу
(Я. Френкель – И. Шаферан)

Совершите чудо
(Е. Птичкин – М. Пляцковский)

Солнечногорск
(В. Газарян – Э. Буранова)

Спаси и сохрани
(Е. Крылатов – Е. Евтушенко)

Спешите делать добрые дела
(В. Мигуля – К. Филиппова)

Спи, дитя мое, усни
(А. Аренский – А. Майков)

Спи, моя радость, усни
(В.-А. Моцарт, Б. Флис – Е. Свириденко)

Спят усталые игрушки
(А. Островский – З. Петрова)

Станция конечная
(Ю. Саульский – П. Леонидов)

Старые обои
(Ю. Николаенко)

Старый вальс
(С. Каминский)

Стать бы мне рябиною
(Н. Шестакова)

Странная комната
(О. Иванов – К. Филиппова)

Тает снег
(Э. Колмановский – Л. Дербенев)

Таежный вальс
(М. Славин – П. Градов)

Так бывает иногда
(П. Аедоницкий – И. Романовский)

Такою светлой кажется земля
(Ю. Чичков – М. Пляцковский)

Танго в дискотеке
(О. Фельцман – Б. Дубровин)
с Леонидом Серебренниковым

Тебя любила
(А. Морозов – К. Рыжов)

Текстильный городок
(Я. Френкель – М. Танич)
с ансамблем «Ткачихи»

Тик-так
(А. Морозов – В. Гин)

Тихий дворик, старый домик
(В. Попов)

Тот день
(В. Ветров – О. Фокина)

Тум балалайка
(еврейская народная)

Туман рассеется
(А. Мажуков – А. Дитерихс)

Ты и я
(В. Баснер – М. Матусовский)
с Леонидом Серебренниковым

Ты свистни
(М. Карминский – Р. Бернс / С. Маршак)

Ты прости меня, дерево
(И. Катаев – М. Анчаров)

Ты уедешь
(Г. Савельев – С. Красиков)

У несчастных домов
(В. Попов – К. Филиппова)

У тебя бы не подружка
(В. Ветров – О. Фокина)

Уголок России
(В. Шаинский – Е. Шевелева)

Уж отзвенели ливни сенокоса
(В. Хорощанский – А. Поперечный)

Улыбка
(В. Шаинский – М. Пляцковский)
с Владимиром Шаинским

Уходя, ничего не берите из прошлого
(В. Попов – К. Филиппова)

Фуга
(И. Катаев)

Ходил с Наташкою Алешка
(С. Туликов – А. Гангов)

Хочется верить
(И. Якушенко – И. Шаферан)

Чем же ты меня околдовала?
(М. Камилов – Э. Шим)

Черемуха
(В. Биберган – Д. Лившиц)

Черемуха
(Э. Колмановский – И. Гофф)

Четыре коня
(В. Петров – Н. Бархотова)

Чистый лист
(С. Туликов – М. Пляцковский)

Что тебе сказать?
(В. Пипекин – К. Филиппова)

Чудный месяц горит над рекою
(Е. Щекалев – Н. Рубцов)

Чужой помады след
(В. Попов – К. Филиппова)

Шахтерские жены
(В. Пипекин – В. Лопушной)

Школьному другу
(В. Дмитриев – М. Рябинин)

Это только кажется
(Д. Тухманов – Л. Козлов)

Это я была
(М. Таривердиев – Т. Коршилова)

Я – деревенская

(В. Темнов – П. Черняев)

Я на Арбате продаю дожди
(А. Ктитарев – К. Филиппова)

Я на подвиг тебя провожала
(Н. Богословский – В. Лебедев-Кумач)

Я ночью шла по улице
(И. Катаев – М. Анчаров)

Я сегодня обеты молчанья нарушу
(В. Цветаев – К. Филиппова)

Я тебя подожду
(А. Островский – Л. Ошанин)

Яблонька
(Е. Грязнова – М. Гуськов)

Ярмарка
(А. Стальмаков – С. Гершанова)

Ясным солнечным днем
(М. Мишунов – И. Морозов, Л. Дербенев)

Цикл детских песен Анатолия Стогова

Веселая лягушка
(Ю. Морщ)

Зимой в лесу
(Я. Аким)

Как живете
(В. Семернин)

Кетти и Петя
(В. Семернин)

Колыбельная
(В. Семернин)

Лети скорее, поезд
(В. Семернин)

Лунный улей
(М. Яснов)

Матрешки
(В. Семернин)

Мои Ириночка и Юля
(В. Семернин)

Мой щенок
(А. Пресман)

Моя родная мама
(В. Семернин)

На Горизонтских островах
(Б. Заходер)

Ночной скрипач
(В. Орлов)

Про козлика
(В. Семернин)

Ручей
(В. Семернин)

Снежное чучело
(Д. Родари / С. Маршак)

Со всеми я знаком
(В. Семернин)

Цветы на лугу
(В. Семернин)

Черепаха
(В. Кожемякин)

Песни, реализуемые ФГУП «Фирма Мелодия»

А любовь-то лебедем
(А. Монасыпов – Л. Абдуллина)

Ах, Наташа!
(В. Шаинский – Л. Ошанин)

Вальс женщины
(Л. Лядова – В. Лазарев)

Вечер школьных друзей
(А. Морозов – М. Рябинин)

Где ты раньше был
(Э. Колмановский – Е. Долматовский)

Деревянные лошадки
(М. Минков – Э. Шим)

Диалог у новогодней елки
(Э. Колмановский – Ю. Левитанский) с Леонидом Серебренниковым

Доброта
(В. Мигуля – Б. Дубровин)
с Владимиром Мигулей

Довоенное танго
(Д. Покрасс – Ф. Лаубе)

Если б не было войны
(М. Минков – И. Шаферан)

Мы на лодочке катались
(народная)

Не судите меня
(В. Успенский – М. Осташева)

Нет дороги у разлуки
(Ю. Саульский – Г. Поженян)

Ничего не кончается
(А. Изотов – С. Гершанова)

Носики-курносики
(Б. Емельянов – А. Булычева)

Песенка без конца
(Э. Колмановский – И. Шаферан)

Песенка о мостах
(Е. Птичкин – Л. Ошанин)

Поговори со мною, мама
(В. Мигуля – В. Гин)

Радуга
(А. Фляркoвский – М. Танич)

Серебряные свадьбы
(П. Аедоницкий – Е. Шевелева)

Сережа
(Л. Квинт – Ю. Рыбчинский)

Снегопад
(А. Экимян – А. Рустайкис)

Сон-трава
(Е. Птичкин – Т. Коршилова)

Сорок пять
(В. Добрынин – М. Рябинин)

Старт дает Москва
(А. Пахмутова – Н. Добронравов)
со Львом Лещенко

Старые слова
(О. Фельцман – Р. Рождественский)
с Павлом Бабаковым

Стою на полустаночке
(И. Катаев – М. Анчаров)

Уходит теплоход
(А. Изотов – М. Лисянский)
с Леонидом Серебренниковым

Я не могу иначе
(А. Пахмутова – Н. Добронравов)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

«Все рождается и проистекает из любви, абсолютно все…»

Валентина Толкунова в начале творческой карьеры

На театральной сцене – В. Толкунова и Л. Серебренников

«Многие мои песни ассоциативно связаны с народом, с народной судьбой…»

«Мой милый, если б не было войны…» Эпизод киноэпопеи «Солдаты свободы» (1977 г.)

Валентина Толкунова и ансамбль «Элегия» п/у А. Стальмакова

Валентина Васильевна с мужем Юрием Папоровым и сыном Колей

«Носики-курносики сопят…» С сыном Колей

«Это было прекрасное время!..» Во время гастрольной поездки вместе с Л. Лещенко и Г. Хазановым

Родители Валентины Толкуновой – Василий Андреевич и Евгения Николаевна

Спектакль «Русские женщины». В главных ролях – В. Толкунова и Л. Серебренников. 1986 г.

После концерта с братьями С. и Н. Радченко *(справа и слева)*. 1983 г.

Выступление на слете солдатских матерей в Колонном зале Дома союзов. Москва. 1989 г.

«Если бы я была богата, то в первую очередь построила бы школу и обучала детей сызмальства науке оставаться чистыми душой…»

Валентина Толкунова и Владимир Путин

Валентина Толкунова и Юрий Лужков